

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 • 2022

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

З. В. Макарова, доктор юридических наук, профессор (Южно-Уральский гос. университет);
О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));
Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Российский гос. университет правосудия);
В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);
Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Академия управления МВД России);
Т. Б. Рамазанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);
О. С. Розачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);
С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);
А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);
Т. К. Рябинина, доктор юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);
М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);
И. В. Столькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);
В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);
О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);
В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
Ведущий редактор: Н. Н. Масленникова
Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 9,2. Усл. п. л. 9,3
Тираж 150 экз. Заказ 79
Дата выхода в свет 20.03.2022

Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810
E-mail: sudvl@mail.ru
Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3

Сайт журнала:
www.law.vsu.ru/sudvl

Подписной индекс:
94235 Объединенного каталога «Пресса России»

© Воронежский государственный университет, 2022
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2022

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 • 2022

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor, vice editor
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

Z. V. Makarova, doctor of legal sciences, professor (South Ural State University);
O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russian);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, doctor of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder:	Editorial address:
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»	394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810 E-mail: sudvl@mail.ru
Editorial founder:	Official site:
394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1	www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2022
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University,
2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ – КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УДМУРТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

7

<i>Тензина Е. Ф.</i> О кафедре уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета.....	8
Профессор Зинатуллин Зинур Зинатуллович.....	14
<i>Зинатуллин З. З.</i> Генезис становления и развития уголовно-процессуальной науки в Удмуртском государственном университете.....	16

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

21

УДМУРТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

<i>Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З.</i> Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть «свободным»?	21
<i>Татьянина Л. Г.</i> Начало производства о применении принудительных мер медицинского характера в уголовном процессе	25
<i>Абашева Ф. А.</i> Личность коррупционера как результат не критического отношения общества	32
<i>Зинатуллин Т. З.</i> Уголовно-процессуальные функции: современные проблемы	38
<i>Ишимов П. Л.</i> Некоторые особенности обжалования постановления о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 125 УПК РФ	44
<i>Машинникова Н. О.</i> Дискуссионные вопросы дифференциации уголовного судопроизводства на основании статьи 23 УПК РФ	51
<i>Решетнева Т. В.</i> Правовая регламентация передачи осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государстве их гражданства в двусторонних международных договорах Российской Федерации	57
<i>Решетникова Г. А.</i> Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: поиск оптимальной нормы.....	64
<i>Стародумов С. В.</i> Реализация принципа независимости адвокатуры на современном этапе	72
<i>Татьянин Д. В.</i> Ограничение процессуальной самостоятельности следователя судебным санкционированием.....	75
<i>Тензина Е. Ф.</i> О правовой природе заочного производства в уголовном процессе России.....	81
<i>Туров С. Ю.</i> Проблемы подследственности и подсудности в уголовном судопроизводстве	86
<i>Хуснутдинов Р. М.</i> Особенности признания ценных бумаг вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве.....	99

106

ИСКУССТВО И ПРАВОСУДИЕ

<i>Зотов Д.</i> Толедский сутяга или искусство требует... денег	106
---	-----

CONTENTS

SCIENTIFIC SCHOOLS OF RUSSIA. DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCESS AND LAW ENFORCEMENT

7OF UDMURT STATE UNIVERSITY

- Tensina E. F.* About the Department of Criminal Process and Law Enforcement of Udmurt State University8
Professor Zinatullin Zinur Zinatulloovich14
Zinatullin Z. Z. The genesis of the formation and development of criminal procedural science at Udmurt State University16

RESEARCH OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCESS AND LAW ENFORCEMENT

21OF UDMURT STATE UNIVERSITY

- Zinatullin Z. Z., Zinatullin T. Z.* Criminal justice: can it be «free»?21
Tatyanina L. G. Commencement of enforcement proceedings of a medical nature in criminal proceedings25
Abasheva F. A. The identity of a corrupt person as a result of non-critical32
Zinatullin T. Z. Criminal procedure functions: modern problems38
Ishimov P. L. Some features of the appeal of the decision to initiate a criminal case in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation44
Mashinnikova N. O. Debatable issues of differentiation of criminal proceedings on the basis of Article 23 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation51
Reshetneva T. V. Legal regulation of the transfer of convicted persons to imprisonment for serving their sentence in the State of their citizenship in bilateral international treaties of the Russian Federation57
Reshetnikova G. A. Involvement of a minor in the commission of a crime: the search for an optimal norm.....64
Starodumov S. V. Implementation of the principle of independence of the advocacy at the present stage72
Tatyanin D. V. Restriction of the procedural autonomy of the investigator by judicial authorization75
Tensina E. F. On the legal nature of the proceedings in absentia in criminal proceedings in Russia81
Turov S. Yu. Problems of investigation and jurisdiction in criminal proceedings86
Khusnutdinov R. M. Features of recognition of securities as essential evidence in criminal process.....99

106ARTS AND JUSTICE

- Zotov D.* The Toledo litigant or art requires... money106

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ РОССИИ –
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УДМУРТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Е. Ф. Тензина

О КАФЕДРЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УДМУРТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Летоисчисление юридического образования в Удмуртии связано с созданием в 1972 г. в старейшем вузе региона экономико-правового факультета, который включал всего две кафедры. Преподавание дисциплины уголовного процесса началось сразу с момента основания. Востребованность в республике юридических кадров для судебной и правоохранительной системы привело к развитию факультета. Конечно, о науке уголовного процесса пока речи не шло. Однако интерес к указанной отрасли был колоссальный, в основном на уровне студенчества, так как многие из студентов уже работали в милиции, прокуратуре, суде.

Уголовно-процессуальная наука в стенах Удмуртского государственного университета зарождается с приходом в 1985 г. молодого ученого доктора юридических наук Зинура Зинатулловича Зинатуллина, выпускника Казанского университета. Как самостоятельная структура кафедра уголовного процесса и правоохранительной деятельности была создана в 1998 г. путем разделения кафедры уголовного права и процесса на две самостоятельные. Заведующим кафедрой был избран доктор юридических наук, профессор Зинур Зинатуллович Зинатуллин, которой возглавлял ее до 2018 г. С 2018 г. по настоящее время кафедру возглавляет известный ученый-процессуалист доктор юридических наук, профессор Лариса Геннадьевна Татьяна.

За несколько десятков лет кафедра уголовного процесса и правоохранительной деятельности превратилась в сплоченный коллектив единомышленников. На кафедре сложилась своя научная школа. Высокий научный потенциал обеспечивается тем, что в состав входят видные ученые-процессуалисты – доктора юридических наук, профессора З. З. Зинатуллин, Л. Г. Татьяна и А. Ю. Епихин. Руководство кафедры проводит последовательную политику преемственности научно-педагогических кадров. Бывшие студенты, увлеченные уголовно-процессуальной наукой, защитили кандидатские диссертации и стали доцентами кафедры: Ф. А. Абашева, Т. З. Зинатуллин, Д. В. Татьянин, Е. Ф. Тензина, П. Л. Ишимов, С. В. Стародумов. Все имеют опыт практической работы. В последнее время в состав кафедры влились новые сотрудники – кандидаты юридических наук С. Ю. Туров, А. В. Шмарев, Н. О. Машинникова.

На кафедре ведется активная научная деятельность. С 1998 по 2005 г. на базе университета функционировал диссертационный совет на соискание

Слева направо: Игнатов Сергей Дмитриевич, Зинатуллин Зинур Зинатуллинвич, Зинатуллин Тимур Зинурович, Ровнейко Вера Владимировна, Татьяна Лариса Геннадьевна, Ившин Владимир Георгиевич, Игнатова Наталья Михайловна, Красноперова Ольга Викторовна, Тензина Елена Фанавиевна

ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». Научные интересы всегда были направлены на исследование актуальных проблем уголовно-процессуальной науки и правоприменения. Доктором юридических наук, профессором З. З. Зинатуллиным было открыто научное направление – «Механизм уголовно-правового регулирования». В связи с защитой докторской диссертации профессором Л. Г. Татьяниной открыто научное направление – «Защита прав личности в уголовном судопроизводстве» и «Проблемы практической юриспруденции в уголовном судопроизводстве».

По всем учебным дисциплинам кафедры: правоохранные органы, административный процесс, уголовный процесс, прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность и другие – разработаны учебные пособия и изданы монографии. Преподавателями кафедры разработаны авторские курсы: теория и методология доказывания, судебское усмотрение при разрешении уголовных дел; функциональная деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры в уголовном процессе.

В 2013 г. профессор З. З. Зинатуллин и профессор Л. Г. Татьяна были включены в состав коллектива авторов учебника по уголовному процессу (М. : ЮНИТИ, 2013). Профессор Л. Г. Татьяна вошла в состав коллекти-

ва авторов научно-практического пособия «Уголовное судопроизводство» (М. : Юрайт, 2017).

Доцентами кафедры Ф. А. Абашевой, С. Д. Игнатовым, Т. З. Зинатуллин, Д. В. Татьяниным, Е. Ф. Тенсиной изданы монографии в центральном издательстве «Юрлитинформ». Профессорско-преподавательский состав ежегодно публикует научные статьи в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией. Средний индекс цитирования по кафедре – 8. Члены кафедры являются активными участниками проводимых в России многочисленных Международных и Всероссийских научных, научно-практических конференций и многочисленных круглых столов в городах Москва, Санкт-Петербург, Курск, Саранск, Томск. Среди международных конференций наиболее значимые проходили в Белоруссии, Азербайджане, Таджикистане, Венгрии.

Кафедрой на базе Института права, социального управления и безопасности ежегодно, начиная с 2006 г., проводятся научные, научно-практические конференции российского и Международного уровня по наиболее важным теоретическим и практическим проблемам уголовного судопроизводства с привлечением следователей, прокуроров, судей, адвокатов и представителей органов государственной власти и местного самоуправления. По результатам проведения конференций издаются сборники научных статей с размещением в базе РИНЦ.

Кафедра неоднократно выступала в качестве ведущей организации по диссертациям на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс», а профессора З. З. Зинатуллин, Л. Г. Татьяна и доцент Д. В. Татьянин приглашаются в качестве официальных оппонентов по защите диссертаций.

С 1992 г. на кафедре имеется аспирантура по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс». Многие аспиранты защитили кандидатские диссертации.

Среди защитившихся аспирантов много работающих в высших учебных и образовательных учреждениях по всей стране – Е. Ермакова (г. Санкт-Петербург), Т. Макарова (г. Ульяновск), Я. Жданова (г. Москва), М. В. Ожиганова (г. Екатеринбург), М. Шолько (г. Санкт-Петербург), А. А. Резяпов (г. Стерлитамак), Э. А. Адильшаев (г. Оренбург), И. В. Килина (г. Пермь), А. В. Мордвинов (г. Стерлитамак) и др.

Среди успешно защитивших кандидатские диссертации и получивших степень кандидатов юридических наук много практических работников в следственно-прокурорских и судебных органах. Среди них: Н. В. Кузнецова, Ж. Г. Конярова, О. П. Колударова, В. Л. Головков, С. В. Коржев, С. Ю. Туров, Т. А. Самойлова, Р. Ф. Зиннатов, Р. М. Муртазин, Л. М. Разяпова, М. Р. Самитов и др.

Доктор юридических наук Л. Г. Татьяна с 2009 по декабрь 2014 г. являлась членом Диссертационного совета Южно-Уральского университета (г. Челябинск) по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 12.00.01 «Теория и история права и государства»; «История учений о праве и государстве»; 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность». В настоящее время является членом

объединенного Диссертационного совета Д 999.220.02, созданного на базе Пермского государственного национального исследовательского университета и Ульяновского государственного университета по специальностям: 12.00.03 «Гражданское право» и 12.00.09 «Уголовный процесс».

Академическими партнерами кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности выступают кафедра уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), кафедра уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета и ряд других партнеров.

В 2001 г. совместно с кафедрой криминалистики была создана магистратура по направлению подготовки «Уголовный процесс, криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности». Руководителями направления были назначены профессора З. З. Зинатуллин, М. К. Каминский.

В 2013 г. кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности была создана магистерская программа 40.04.01.03 «Судопроизводство в Российской Федерации», включающая направления подготовки «Судопроизводство» и «Правовая защита бизнеса», которой руководит профессор Л. Г. Татьянанина.

Члены кафедры являются участниками различных организационно-структурных образований России и Удмуртии: «Российской академии юридических наук»; «Российского профессорского сообщества», «Ассоциации юристов России», а также членами адвокатских формирований и юридических клиник.

Для качественной подготовки специалистов, бакалавров и магистров по образовательной программе подготовлена аудитория – «Зал судебных заседаний», предусматривающая проведение ролевых игр. Назначением является приобретение студентами навыков участника судебного разбирательства. В аудитории предусмотрена четырехсторонняя видеоконференция с Верховным судом УР в частности. В рамках учебного процесса проводится игра «Судебное разбирательство в суде первой инстанции с участием присяжных заседателей», оценку которой дают профессиональный прокурор, профессиональный адвокат, профессиональный судья.

Преподаватели кафедры участвуют в организации и проведении внеучебной работы со студентами: работают студенческие научные кружки, в частности научный кружок «Уголовный процесс», которым руководит доцент Д. В. Татьянин.

Ежегодно студенты кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности участвуют в итоговой научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по 2 секциям: правоохранительная деятельность и уголовный процесс, судебная власть и правосудие.

Под руководством преподавателей кафедры студенты принимают участие в научных конференциях, соревнованиях, конкурсах.

В 2019 г. А. В. Анкудинов занял 2-е место на IX Международном открытом конкурсе на лучшую научную работу среди студентов-бакалавров, магистрантов и аспирантов «Отправление правосудия по уголовным делам через призму уголовно-процессуального, криминалистического, опера-

Слева направо: Машинникова Наталья Олеговна, Тензина Елена Фанавиевна, Татьянан Дмитрий Владимирович, Татьянина Лариса Геннадьевна, Туров Сергей Юрьевич, Зинатуллин Зинур Зинатуллович, Абашева Флюра Фунзяновна, Стародумов Сергей Владимирович, Решетнева Татьяна Васильевна

тивно-розыскного и судебно-экспертного опыта» имени проф. Е. Г. Мартыничка (научный руководитель – Д. В. Татьянан). 24 декабря 2020 г. в X Международном открытом конкурсе на лучшую научную работу среди студентов-бакалавров, магистрантов и аспирантов «Отправление правосудия по уголовным делам через призму уголовно-процессуального, криминалистического, оперативно-розыскного и судебно-экспертного опыта» имени проф. Е. Г. Мартыничка в номинации «Актуальность и прикладной характер исследования» была признана лучшей работа студента Д. Н. Смакулова по теме «Отправление правосудия по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием беспилотных летательных аппаратов. Современные проблемы и развитие» (научный руководитель – А. И. Шмарев).

В 2019 г. две команды студентов принимали участие в студенческом конкурсе Высшей школы экономики Economic Crime Mood Court. Команды достойно прошли полуфинал. Проводится ежегодная научная студенческая конференция.

Команда в составе Д. С. Дарбанди и А. А. Чукавина приняла участие в 2020 г. в заочном этапе Всероссийского юридического кейс-чемпионата MGIMO Law Championship (научный руководитель – С. В. Стародумов).

Команда студентов в составе Ю. Т. Касимовой, К. И. Казаковой, А. М. Шамсеевой заняла 2-е место в Первом Международном студенческом конкурсе имени Ю. Д. Лившица, проводимом в форме судебного процесса 22–23 апреля в г. Челябинске (научный руководитель – Д. В. Татьянин).

Глубокое понимание истории, теории уголовного процесса, знание правоприменения позволяют кафедре уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета готовить высококвалифицированных, конкурентоспособных, думающих специалистов для современной России.

Профессор
ЗИНАТУЛЛИН Зинур Зинатуллович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, заслуженный деятель науки Удмуртской Республики, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик Международной академии информатизации, председатель регионального отделения Российской академии юридических наук

Зинатуллин Зинур Зинатуллович (13.01.1938 г. р.) по окончании в 1961 г. юридического факультета Казанского государственного университета был направлен на преподавательскую работу в Елабужскую специальную школу Министерства внутренних дел СССР. В 1969 г. он становится аспирантом кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского государственного университета и в 1971 г. защищает в Московском государственном университете диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности «уголовное право и уголовный процесс». С 1971 по 1985 г. З. З. Зинатуллин работает ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского государственного университета. В 1984 г. З. З. Зинатуллин в Ленинградском государственном университете успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Эффективность уголовно-процессуального принуждения». В 1985 г. З. З. Зинатуллин избирается на должность заведующего кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета. В январе 1987 г. ему присваивается ученое звание профессора.

З. З. Зинатуллин – автор свыше 400 научных публикаций, в их числе: 14 монографий, в том числе «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы» (2021); 23 учебных пособия; соавтор учебников по уголовному процессу, изданных Ленинградским (1989), Казанским (2004), Оренбургским (2008) государственными университетами; курсов лекций «Уголовный процесс. Часть Общая» (2000–2001), (2007–2010), «Профессиональная этика юриста» (2012), «Обвинение и защита по уголовным делам» (1989, 1997), «Уголовно-процессуальные функции»

(1994, 2002), «Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности» (2007), «Алгоритм применения уголовно-процессуальных норм» (2012).

З. З. Зинатуллин – активный участник многочисленных научно-практических конференций в различных регионах Российской Федерации.

В 1998 г. возглавляемая профессором З. З. Зинатуллиным кафедра признана лучшей среди кафедр высших учебных заведений республики, а ее коллектив занесен на Доску почета Удмуртской Республики. 10 сентября 2007 г. профессору З. З. Зинатуллину присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

С 1992 по 2005 г. профессор З. З. Зинатуллин возглавлял Диссертационный совет по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность». Под его научным руководством было подготовлено и защищено 68 кандидатских и докторских диссертаций. Зинур Зинатуллович регулярно оппонирует докторские и кандидатские диссертации. С 2013 по 2017 г. профессор З. З. Зинатуллин выступал в качестве официального оппонента по 6 диссертациям на соискание кандидата юридических наук в диссертационных советах при Уральском уголовно-юридическом университете (г. Екатеринбург), Томском государственном университете, Южно-Уральском государственном университете (г. Челябинск), Саратовской юридической академии, Воронежском государственном университете, Нижегородской академии МВД РФ (г. Н. Новгород).

До 2018 г. профессор З. З. Зинатуллин заведовал кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ УдГУ, выполнял все учебные поручения и разрабатывал необходимые учебно-методические программы.

Профессор З. З. Зинатуллин пользуется заслуженным авторитетом и уважением.

В настоящее время З. З. Зинатуллин – профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ УдГУ, успешно преподает следующие дисциплины: «Актуальные проблемы уголовно-процессуального права», «Алгоритмы применения уголовно-процессуальных норм», «Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности», «Проблемы уголовного судопроизводства», «Теория и методология уголовно-процессуального доказывания», «Уголовный процесс», «Правоохранительные органы», «Профессиональная этика и служебный этикет», «Уголовно-процессуальное доказывание».

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ
В УДМУРТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Раскрыт генезис становления и развития уголовно-процессуальной науки в Удмуртии, сформулированы дальнейшие пути разработки госбюджетной темы «Совершенствование механизма реализации уголовно-процессуальных норм».

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная наука, механизм реализации уголовно-процессуальных норм.

THE GENESIS OF THE FORMATION
AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURAL
SCIENCE AT UDMURT STATE UNIVERSITY

The genesis of the formation and development of criminal procedural science in Udmurtia is disclosed and further ways of developing the state budgetary theme «improving the mechanism for the implementation of criminal procedural norms» are formulated.

К e y w o r d s: criminal procedural science, mechanism for the implementation of criminal procedural norms.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Отправной точкой становления в Удмуртии уголовно-процессуальной науки, вне сомнения, надлежит считать проведение в июне 1988 г. под эгидой Координационного бюро по проблемам уголовного процесса и судоустройства АН Союза ССР, возглавляемого известным ученым-процессуалистом А. Д. Бойковым, на базе Удмуртского государственного университета научно-практической конференции по проблеме повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки. В ее работе приняли участие 48 ученых-процессуалистов Москвы, Ленинграда, Киева, Казани, Ташкента, Свердловска, Саратова, Томска, Иркутска, Красноярска, Уфы, Оренбурга и других городов. На конференции были обсуждены актуальные проблемы советской уголовно-процессуальной науки и определены основные направления научных исследований в области уголовного судопроизводства. Кафедра уголовного права и процесса Удмуртского государственного университета вошла в число разработчиков госбюджетной темы «Совершенствование механизма реализации уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм», включенных в координационный план работы Академии наук СССР. Материалы конференции были опубликованы в межвузовском сборнике научных трудов¹.

Следующей важнейшей вехой в развитии уголовно-процессуальной науки в Удмуртии стало создание в феврале 1983 г. ВАКом Минобразования РФ дис-

¹ См.: Проблемы повышения качества уголовно-процессуальной деятельности в условиях перестройки / под ред. З. З. Зинатуллина. Ижевск, 1989.

сертационного совета по защите диссертации на соискание ученых степеней по специальностям 12.00.09 – уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность и 12.00.08 – уголовное право и криминология (председатель – профессор З. З. Зинатуллин, в составе – ученые Москвы и юридических вузов Поволжья, Урала и Западной Сибири).

В связи с происходящими в России социально-экономическими преобразованиями, вызвавшими необходимость конструирования соответствующей законодательной базы, включая разработку, в частности уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации, вся дальнейшая разработка проблем юридической науки в целом и уголовно-процессуальной науки в частности органично связывалась с разрешением таких задач. Именно в их русле строилась и плодотворная работа в диссертационном совете, подготовка монографий, научных статей и научных сообщений на проводимых по всей России многочисленных научно-практических конференциях.

Поскольку генезис становления уголовно-процессуальной науки в Удмуртском государственном университете в последнее десятилетие XX в. и первое десятилетие XXI в. получил должное освещение в «Избранных трудах», опубликованных в серии «Антология юридической науки»², ограничим основными вехами в его развитии.

Большим вкладом в уголовно-процессуальную науку стала, в частности, успешная защита Л. Г. Татьяниной диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, посвященной разрешению сложной и остродискуссионной проблеме производства по уголовным делам в отношении лиц, имеющих психические отклонения (в настоящее время доктор юридических наук, профессор Л. Г. Татьяна заведует кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета; входит в состав диссертационных советов: Ульяновского государственного университета и Уральского юридического университета; активно оппонировал диссертации, выполненные в юридических вузах России). Активно участвуя в работах научно-практических конференций, проводимых в юридических вузах России (Москва, Санкт-Петербург, Курск, Казань, Краснодар, Екатеринбург, Саратов, Томск, Саранск и др.), кафедра уголовного процесса и сама организует широкомасштабные научно-практические конференции. Следует особо выделить весьма представительную научно-практическую конференцию, проведенную в марте 2006 г., по теме «Состояние и перспективы развития юридической науки», материалы которой были опубликованы в 6 частях, и конференцию, проведенную 7–8 февраля 2013 г., по теме «Проблемы уголовно-процессуальной науки XXI века». В работе конференций, наряду с учеными-процессуалистами России, приняли участие и ученые Украины, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, а также Китайской Народной Республики.

Научно-исследовательская работа практически всегда органично связывается с подготовкой в той или иной форме учебных изданий. З. З. Зинатуллин и Л. Г. Татьяна являются соавторами ряда учебников по уголовному процессу (М., 1989; Казань, 2004; М., 2007, 2013). Такие учебные пособия З. З. Зинатуллина, как «Уголовно-процессуальное доказывание» (Ижевск, 2003), «Юриди-

² См.: Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. СПб., 2013. С. 249–255, 315–321, 350–358, 431–437, 663–672.

ческая этика» (М., 2010), рекомендованы Министерством образования РФ для обучающихся по направлению специализации «Юриспруденция». Ряд учебных пособий выполнены как в традиционном, так и электронном форматах («Алгоритм применения уголовно-процессуальных норм»; «Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания»; «Этика адвоката-защитника»).

Всё изложенное свидетельствует о том, что в центре внимания кафедры находятся актуальные проблемы российской уголовно-процессуальной науки, связанные с исследованиями таких ее доминантных установок, как сущность и аксиологическая составляющая российского уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная форма, уголовно-процессуальные функции, уголовно-процессуальное принуждение и, конечно, уголовно-процессуальное доказывание, основные доминанты которого по своей сути определяют все предназначение современного российского уголовного процесса быть действенным государственным инструментом в охране и защите прав человека и гражданина и противостоянием преступности.

Эффективное выполнение назначения уголовного судопроизводства требует сосредоточения внимания уголовно-процессуальной науки на выполнение соответствующих задач, важнейшими из которых являются:

а) создание качественного уголовно-процессуального законодательства, согласуемого с реалиями социально-экономического развития нашего социума;

б) качественного повышения уровня уголовно-процессуальной деятельности.

Ничего невыполнимого в достижении подобных задач нет. Современные научно-технические достижения, их внедрение в практику уголовного судопроизводства, в частности формирования цифрового уголовного процесса, призваны только способствовать этому³.

Что касается выполнения первой задачи, то приходится с глубоким сожалением констатировать, что самым веским препятствием на этом пути является само состояние существующего сегодня уголовно-процессуального законодательства. УПК РФ, созданный «при поддержке Американской ассоциации юристов» и Министерства юстиции США⁴, не мог быть построенным без учета таких характерных для англо-саксонской правовой системы постулатов, как осуществление производства только на состязательных началах и при полном игнорировании принципа всестороннего, полного исследования обстоятельств дела. Несмотря на достаточно серьезную и обоснованную в его адрес критику УПК РФ был принят 18 декабря 2001 г. За более чем 20-летний период его действия в него внесено такое количество корректировок, которые не только изменили его содержание, но и значительно затруднили пользование им. В большинстве своем внесенные в УПК РФ корректировки обусловлены изменяющимися условиями в жизни как России, так и международного сообщества,

³ См.: *Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З.* Проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете достижений научно-технического прогресса // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 3. С. 32–37 ; *Муратова Н. Г.* Уголовный процесс : проблемы и идеи. М., 2021. С. 356–372.

⁴ См.: Комментарий к УПК РФ / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. М., 2002. С. 51 ; Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной принятию УПК РФ. М., 2002. С. 2.

необходимости согласно постулатам УПК РФ с общепризнанными принципами и нормами международного права и международных договоров. Вместе с тем значительное число обоснованных теорией и практикой уголовного судопроизводства проблем остается вне поле зрения законодателя либо просто игнорируется им. В их числе необходимость конструирования в УПК РФ нормы о тех задачах, посредством выполнения которых можно обеспечить сформулированное в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства; включение в систему уголовно-процессуальных принципов гласности как непреложной составляющей демократической формы государственности (ст. 1 Конституции РФ); всесторонность, объективность исследования обстоятельств уголовного дела, при соблюдении которых может быть сформулировано итоговое процессуальное решение; равенство всех участников уголовного судопроизводства перед законом и судом, что позволит исключить противоречащую ст. 19 Конституции РФ производство по уголовным делам в отношении указанных в ст. 447 УПК РФ категории лиц. Особую тревогу вызывает избранный законодателем курс на упрощение уголовно-процессуальной формы производства по уголовным делам, выразившийся во введении института дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), которую отдельные ученые предлагают заменить на протокольную форму производства⁵, а также в самом широком применении установленных главами 40 и 40.1 УПК РФ особых порядков судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявляемым обвинением и при заключении с совершившим преступление лицом досудебного соглашения о сотрудничестве. Тревогу вызывает и все более расширяющая свои границы норма прекращения производства по уголовным делам (ст. 25, 25.1, 28 УПК РФ), особенно в связи с возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации (ст. 28.1 УПК РФ). Не свидетельство ли это о превращении традиционного уголовного процесса в его коммерческую форму со всеми присущими экономического свойства атрибутами?

При всем бережном отношении к государственному бюджету возникает вопрос о правомерности отступления от исторически сложившихся в жизни социума постулатов о неотвратимости ответственности за виновно-совершенные «прегрешения»⁶, игнорируя тем самым установки известных мыслителей в лице Чезария Беккария, Фрацуз Вольтера, И. А. Ильина, В. И. Ленина о важности неизбежности ответственности за нарушение любых социальных предписаний⁷.

Суждения о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства, конструирования нового УПК РФ сегодня стали постоянными составляющими практически любых изысканий в области уголовного судопроизводства. Надлежащее решение этой задачи позитивно скажется и на повышении качества правоприменительной деятельности органов предва-

⁵ См.: *Гаврилов Б. Я.* Тенденции совершенствования уголовно-процессуального законодательства правоприменительной практики, опубликованной в монографии М. Г. Муратовой «Уголовный процесс : проблемы и идеи». М., 2021. С. 7–8.

⁶ См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета по заказу Казанской епархии. 1981. С. 74 ; Коран : пер. В. Пороховой. М., 1981. С. 157.

⁷ См.: *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях М., 1939. С. 308–309 ; *Вольтер Ф. М.* Избранные страницы. СПб., 1914. С. 156 ; *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. М., 1993. Т. 1. С. 344 ; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 412 ; Т. 54. С. 71.

рительного расследования, прокуратуры и судов по раскрытию преступлений, изобличению виновных в их совершении лиц, осуществления правосудия по уголовным делам. В эпоху компьютеризации во всех сферах социальной жизни, широкого использования Интернета учебно-воспитательная составляющая приобретает свой специфический характер, заключающийся в том, чтобы научить обучающегося анализировать информацию, логически правильно мыслить и формулировать выводные знания. Следовательно, и педагог должен соответствовать этому. В условиях же исключения возможностей обращения к использованию мобильных устройств, в которые «вкачивается» содержание, к примеру УПК РФ, резко снижается аттестационная оценка экзаменуемых. Качественное уголовно-процессуальное законодательство, которого, к сожалению, сегодня в России нет, и качество обучения имманентно связаны с условиями образовательного процесса. И это не может не входить, в частности, и в содержание уголовно-процессуальной науки, и использование ее достижений в уголовно-процессуальной деятельности по выполнению государственной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ). В этом профессорско-преподавательский состав кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета и видит свое предназначение.

Удмуртский государственный университет

*Зинатуллин З. З., доктор юридических наук, профессор
кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Института права, социального управления и безопасности*

Udmurt State University

*Zinatullin Z. Z., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of
Criminal Process and Law Enforcement of the Institute of Law,
Social Management and Security
E-mail: kafedrauppd@mail.ru*

УДК 343.1

З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин

ПРАВОСУДИЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: МОЖЕТ ЛИ ОНО БЫТЬ «СВОБОДНЫМ»?

В статье обосновано негативное отношение авторов к сформулированной проф. Н. Г. Муратовой в монографии «Уголовный процесс: проблемы и идеи» идее возможного внедрения в практику российского уголовного судопроизводства так называемого «свободного правосудия».

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, судебный контроль, «свободное правосудие», негативное отношение.

CRIMINAL JUSTICE: CAN IT BE “FREE”?

The article substantiates the negative attitude of the authors to the formulated by prof. N. G. Muratova in her monograph «Criminal Procedure: Problems and Ideas» on the idea of a possible introduction into the practice of Russian criminal proceedings, the so-called «free justice».

К e y w o r d s: criminal proceedings, judicial control, «Free justice», negative attitude.

Поступила в редакцию 1 марта 2022 г.

Предлагаемая социуму (не только юридической общественности) статья навеяна появлением в весьма содержательной работе профессора Н. Г. Муратовой «Уголовный процесс: проблемы и идеи» раздела – «Свободное правосудие: система правовых ориентиров (постановка проблемы)»¹. Не раскрывая и не анализируя социально-правовую природу, тем более ее содержание, и не формулируя дефиницию так называемого «свободного правосудия», автор ограничивается лишь постановкой вопросов, является ли такое правосудие мифом или реальностью, идеалом или моделью современного правосудия по уголовным делам и существует ли вообще территория «свободного правосудия» в целом².

Постановка вопроса о возможном существовании «свободного правосудия» по уголовным делам – явление совершенно новое, поистине революционное, вызывающее множество требующих своего разрешения вопросов. В обоснование своего воззрения автор считает достаточным сопоставить исторические традиции отечественного правосудия, не называя, не раскрывая их содержания и социальной ценности, ограничивается лишь указанием на всемирное значение Судебной реформы в России 1864 г., проницательности ее

¹ См.: Муратова Н. Г. Уголовный процесс : проблемы и идеи. М., 2021. С. 305–314.

² См.: Там же. С. 306.

© Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З., 2022

оценок и дальновидности в предсказании путей ее развития известными российскими юристами-правоведами³.

Считая сказанного вполне достаточным для обоснования ею идеи «свободного правосудия» и необходимости формирования названной процессуальной модели, автор переходит к анализу вопросов о сущности судебной власти, ее государственном характере, форм ее реализации в виде осуществления правосудия и судебного контроля, уделяя при этом значительное внимание именно последнему.

Исходя из того что любая форма деятельности предполагает ее осуществление конкретным лицом, профессору Н. Г. Муратовой надлежало бы четко указать в работе, кто должен осуществлять формулируемое ею «свободное правосудие». С учетом того, что автор полагает обоснованными суждения тех ученых, которые считают, что понятием правосудия охватываются не только деятельность судов по рассмотрению и разрешению по своему существу, в частности дел о преступлениях, но и «как формы судебного контроля за деятельностью уголовного преследования и соблюдению прав участников уголовного преследования»⁴, а также сформулированный автором текст проекта федерального закона «О следственных судьях в Российской Федерации»⁵, не трудно сделать вывод, что осуществление предлагаемого автором «свободного правосудия» должно возлагаться на следственных судей, компетенция которых сформулирована Н. Г. Муратовой в ст. 6 законопроекта, который во многом перекликается с содержанием ч. 2 и 3 ст. 29 действующего УПК РФ. Институт следственных судей на сегодня не существует, его нет. Уважаемый профессор «забежала» значительно вперед, в возможное будущее. Это согласуется в полной мере с наименованием самой работы автора, поднимаемыми ею проблемами и идеями. Последние трактуются в русской словесности как «мысли, намерения, план, мысленный образ чего-нибудь»; как то, что «мотивирует и направляет деятельность индивида во всех сферах общества»⁶.

Выступая в качестве ветви государственной власти (ст. 10 Конституции РФ), судебная власть сегодня выполняет свои конституционные обязанности посредством осуществления правосудия и судебного контроля. Выполнение таких обязанностей возложено только на входящих в соответствии с ч. 3 ст. 118 Конституции РФ судей судебной системы и в строго установленной, в частности УПК РФ, уголовно-процессуальной форме. Отметим, что согласно ч. 3 ст. 118 Конституции РФ создание чрезвычайных судов не допускается. Не допускается и любое отступление от установленного ч. 3 УПК РФ судебного производства.

Сказанное не запрещает постановку вопросов, связанных с внесением тех или иных изменений, корректировок действующей системы судопроизвод-

³ См.: Муратова Н. Г. Указ. соч. С. 314.

⁴ Лазарева В. А. Судебная власть, судебная защита, судебный контроль : понятие и соотношение (лекции-очерки). Самара, 1999. С. 52. См. также: Права человека / Л. М. Володина [и др.]. Тюмень, 2002. С. 98 ; Гуськова А. П. К вопросу об эффективности правосудия // Вестник Омского ун-та. Серия «Право». 2008. №1 (14). С. 38.

⁵ См.: Муратова Н. Г. Указ. соч. С. 444–449.

⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 219 ; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2004. Т. 2. С. 10 ; Большая юридическая энциклопедия. М., 2007. С. 221.

ства. Но до внесения таковых на законодательном уровне уголовно-процессуальная форма производства по уголовным делам должна оставаться без изменений. Любое отступление от этого есть нарушение принципа законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ) и может влечь за собой установленные УПК РФ правовые последствия. Уже с этих позиций следует, что при осуществлении правосудия по уголовному делу законодатель не допускает возможности действовать по своему усмотрению; тем самым не допускает ни в какой форме своего проявления «свободного правосудия».

Выступая в качестве основной формы реализации судебной власти, всегда связанной с разрешением основного (главного) вопроса уголовного судопроизводства, каковым является вопрос о виновности или невиновности подсудимого в инкриминируемом преступлении⁷, правосудие по уголовным делам при всех своих разночтениях есть не что иное, как процессуальная деятельность по разрешению судом в судебном разбирательстве обвинения по своему существу с позиции наличия в нем всех конструктивных элементов инкриминированного состава преступления, включая и виновность обвиняемого (подсудимого) в его совершении. Правосудием является и деятельность по пересмотру в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях приговоров, постановленных судами первой инстанции.

Всё изложенное позволяет утверждать, что вне уголовно-процессуального регулирования правосудия по уголовным делам просто не может быть, а следовательно, вести с этих позиций речь о каком-то «свободном правосудии» нельзя. Правосудие и анархия, трактуемая как «отсутствие всякого управления; стихийность в осуществлении чего-нибудь; отсутствие организованности, полный беспорядок»⁸, не совместимы. Если же увязывать формулируемое уважаемым профессором такое социальное явление, как «свободное правосудие», с устоявшимся в теории и практике российского уголовного судопроизводства судебным контролем, то невозможность этого объяснима одним лишь тем обстоятельством, что любое из принимаемых в рамках судебного контроля решений по своему содержанию и назначению не направлены на получение ответа на основной (главный) вопрос уголовного судопроизводства о виновности подсудимого в инкриминируемом преступлении.

Поскольку постсоветская Россия является не только демократическим, но и ПРАВОВЫМ государством (ст. 1 Конституции РФ), сама постановка вопроса о переходе к либеральному (вольному) социуму, структурной составляющей которого может стать так называемое «свободное правосудие», просто не допустимо. Правосудия вне правового поля нет и не может быть. Наше утверждение остается неизменным как в условиях осуществления правосудия в рамках существующей формы уголовного судопроизводства, так и становления цифровой ее формы. Проникнуть в присущий только человеку психолого-нравственный мир его жизни невозможно (да и не этично, безнравственно). Заменить осуществляющее правосудие судью компьютерной программой (нейросетью) и тем самым отдать разрешение судьбы человека машине нельзя, ибо маши-

⁷ См.: Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. С. 7.

⁸ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 27.

на не может оценить правовую ситуацию и принять решение о применении закона к человеку. «Машина, – как справедливо отмечает А. С. Александров, – должна быть априори исключена из этой сферы, ибо она не может судить человека»⁹.

⁹ Александров А. С. Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 139.

Удмуртский государственный университет

Зинатуллин З. З., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Института права, социального управления и безопасности

Зинатуллин Т. З., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности
Института права, социального управления и безопасности

Udmurt State University

Zinatullin Z. Z., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Criminal Process and Law Enforcement of the Institute of Law, Social Management and Security

Zinatullin T. Z., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Law Enforcement of the Institute of Law, Social Management and Security
E-mail: kafedrauppd@mail.ru

НАЧАЛО ПРОИЗВОДСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Обосновывается, что производство о применении принудительных мер медицинского характера является вторичным по отношению к основному производству, его начальным моментом является принятие судом постановления о применении принудительных мер медицинского характера. Досудебное производство и производство в суде первой инстанции связано с расследованием преступления и рассмотрением уголовного дела по существу, по результатам которого устанавливается виновность лица либо его невменяемость. С момента постановления судом решения о применении ПММХ лицо приобретает статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении ПММХ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принудительные меры медицинского характера, невменяемость, подозреваемый, обвиняемый, суд, начало, производство.

COMMENCEMENT OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS OF A MEDICAL NATURE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article justifies that the procedure for the application of compulsory medical measures is secondary to the main production, its initial point is the decision of the court on the application of compulsory medical measures. Pre-trial proceedings and proceedings before a court of first instance are connected with the investigation of a crime and the examination of a criminal case on the merits, the results of which establish the guilt of the person, or his insanity. From the moment of the court's decision on the use of PMMC, a person acquires the status of a person against whom the proceedings on the use of PMMC are carried out.

К е у w o r d s: compulsory medical measures, insanity, suspect, accused, trial, commencement, proceeding.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ) применяются в отношении лица, признанного невменяемым в момент совершения преступления либо заболевшего психическим расстройством, исключающим дееспособность, после его совершения.

Производство о применении ПММХ с учетом современной дифференциации уголовного процесса относится к особому производству, имеющему усложненную процедуру, обусловленную необходимостью соблюдения гарантий защиты прав лиц с психическими расстройствами¹. Следует отметить, что

¹ См.: Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса. Томск, 2001 ; Татьяна Л. Г. Виды особых производств в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: Экономика и право. 2016. Т. 6, № 2. С. 123–126 ;

производство о применении ПММХ имеет вторичный характер, поскольку оно применяется только в случае признания лица, совершившего преступление, невменяемым либо в связи с возникшим заболеванием после совершения преступления – недееспособным при наличии заключения судебно-психиатрической экспертизы о необходимости применения ПММХ в отношении указанного лица. В связи с этим возникает вопрос о начале производства о применении ПММХ и его сущности.

Дееспособность презюмируется в отношении любого человека до того момента, пока не будет доказано противное в установленном законом порядке. Вменяемость, как и дееспособность, презюмируется в отношении лица, совершившего преступление. При возникновении сомнения во вменяемости лица первоначально устанавливается наличие ее медицинского критерия посредством производства судебно-психиатрической экспертизы, с учетом полученного заключения устанавливается юридический критерий. Окончательное решение о наличии или отсутствии вменяемости принимается судом при принятии судебного решения на основе исследованных в суде доказательств.

Медицинский критерий устанавливается посредством назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы, однако эксперты-психиатры не вправе отвечать на вопрос о вменяемости/невменяемости испытуемого, они должны ответить на вопросы, связанные с наличием/отсутствием у лица психических расстройств и их характера, а также на вопрос о том, нуждается ли испытуемое лицо в применении принудительных мер медицинского характера. Наличие какого-либо психического расстройства (медицинского критерия) не всегда дает основание говорить о состоянии невменяемости.

Процесс доказывания по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические расстройства, является более сложным по сравнению с другими категориями уголовных дел, что обусловлено спецификой психических процессов у лиц с патологиями психики, при этом грань между психическим здоровьем и нездоровьем достаточно тонкая, что может привести к ошибке в диагностике. Следует учитывать, что лицо, имеющее психическое расстройство, совершает свои действия осознанно и мотивированно, но мотивация обусловлена наличием изменений в восприятии происходящего.

В частности, расстройства психотического уровня (психозы) характеризуются:

- грубой дезинтеграцией психики, проявляющейся в неадекватности психических реакций и отражательной деятельности процессам явления, событиям, ситуациям;
- исчезновением критики (некритичностью);
- исчезновением способности произвольно руководить собой, своими действиями, памятью, вниманием, мышлением, поведением, исходя из личностных реальных потребностей, желаний, мотивов, оценки ситуаций, своей морали, жизненных ценностей, направленности личности.

Якимович Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства : проблемы и перспективы // Там же. 2013. № 2. С. 203–208 ; Его же. Актуальные вопросы дифференциации российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). С. 123–130 ; и др.

В отличие от психозов непсихотические расстройства характеризуются:

– адекватностью психических реакций реальности по содержанию, но часто неадекватной заостренности по силе и частоте, в связи с тем что резко изменяется чувствительность, реактивность, и поводом для реакции становятся исчезновение или малозначащие по силе, частоте и т. д. ситуации;

– сохранением критичности, однако нередко утрированной, сенситивно заостренной;

– ограничением способности регулировать свое поведение в соответствии с законами психологии, общества и природы, ситуационной зависимостью психологических проявлений².

Заключение судебно-медицинской экспертизы оценивается следователем и судом, которые с учетом имеющихся в уголовном деле доказательств, поведения лица, его характеристик устанавливают наличие/отсутствие юридического критерия вменяемости, после чего устанавливают вменяемость/невменяемость испытуемого лица.

При возникновении сомнения в заключении судебно-психиатрической экспертизы следователь и суд могут назначить повторную судебно-психиатрическую экспертизу как по своей инициативе, так и при наличии ходатайства сторон. Для признания наличия медицинского критерия невменяемости необходимо, чтобы психическое заболевание достигло такой степени, когда при совершении преступления лицо не могло осознавать свои действия либо не могло руководить ими³. Юридический критерий невменяемости определяет глубину и сущность психических расстройств медицинского критерия.

Вопрос о вменяемости/невменяемости устанавливается при производстве предварительного расследования, в суде первой и второй инстанций. Следует согласиться с мнением Б. А. Антонович и Е. К. Антонович, которые указывают шесть оснований, исключающих возможность назначения и проведения судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела⁴. Не вдаваясь в изучение указанных оснований, следует отметить, что вопрос о психическом состоянии лица в момент совершения им преступления может быть поставлен только в случае, когда будет установлено, что именно это лицо совершило преступление, т. е. в отношении подозреваемого или обвиняемого в стадии возбуждения уголовного дела указанные лица отсутствуют. В случае установления у лица, в отношении которого ведется проверка о причастности к совершению преступления, психического расстройства вопрос о его возможной госпитализации и оказании ему медицинской помощи должен решаться в соответствии с Законом РФ «О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании»⁵. При возбуждении уголовного дела и доказанности причаст-

² См.: Бухановский А. О., Кутявин Ю. А., Литвак М. Е. Общая психопатология. Ростов н/Д., 2000. С. 49–50.

³ См.: Лунц Д. Р. Проблемы невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 61.

⁴ См.: Антонович Б. А., Антонович Е. К. Судебно-психиатрические экспертизы и стадии уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 91–99.

⁵ О психиатрической помощи и гарантиях граждан при ее оказании : закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (в ред. от 30.12.2021). URL: <http://www.consultant.ru/>

ности лица к совершению преступления в отношении его должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза, при этом лицо должно обладать статусом подозреваемого или обвиняемого.

В случае наличия у лица, в отношении которого ведется проверка о причастности к совершению преступления, тяжелого психического расстройства, которое может быть установлено при наличии у него группы инвалидности, установленной психиатрической экспертизой, либо наличии документов о том, что лицо состоит на учете в психиатрической клинике в связи с наличием психического расстройства, либо обращалось за медицинской помощью в связи с появлением различных синдромов психических расстройств, состояния депрессии, либо проходило курсы «лечения» у различных коучей и т. п., что могло привести к развитию заболевания, должно быть возбуждено уголовное дело, но не производство о применении ПММХ, поскольку первоначально следует доказать факт совершения преступления конкретным лицом либо его причастность к совершению преступления, виновность в совершении преступления либо невменяемость лица, а только после этого решать вопрос о применении ПММХ.

Законодатель не урегулировал вопрос об особенностях производства предварительного следствия по уголовным делам в отношении подозреваемых и обвиняемых, нуждающихся в применении ПММХ в стационарных условиях, в связи с этим возникает ряд вопросов. В ходе предварительного расследования следователь, с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы, в которой указано о необходимости применения ПММХ в стационарных условиях, может согласиться с предложенными экспертами выводами и завершить производство предварительного расследования путем вынесения постановления о применении ПММХ и направления уголовного дела в суд. Принятие указанного решения будет завершать процесс производства предварительного расследования по уголовному делу, при этом должна быть однозначно установлена причастность предполагаемого невменяемого лица к совершению преступления. Учитывая, что законодатель в ч. 1 ст. 437 УПК РФ указал, что «лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, должно быть предоставлено право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные статьями 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, если его психическое состояние позволяет ему осуществлять такие права»⁶, следует, что в ходе предварительного расследования указанное лицо может принимать участие в производстве следственных действий с учетом мнения экспертов и врачей медицинской организации, в которую данное лицо может быть помещено до рассмотрения уголовного дела. Одновременно необходимо отметить, что заключение экспертизы оценивается следователем, который может не согласиться с ее выводами, критически оценив ее заключение, и продолжить производство предварительного следствия с направлением уголовного дела в суд с обвинительным заключением.

При признании наличия у подозреваемого или обвиняемого психического расстройства, которое возникло после совершения преступления, в связи

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <https://normativ.kontur.ru/>

с чем возникла необходимость применения ПММХ в стационарных условиях, следует учитывать, что необходимо установить безусловную виновность указанного лица в совершении преступления, только после этого решать вопрос о возможности применения ПММХ. Указанное лицо не может утратить статус подозреваемого или обвиняемого в ходе предварительного расследования, поскольку доказана его причастность к совершению преступления. Полагаем, что уголовное дело должно быть направлено в суд с обвинительным заключением, в котором должно быть указано о рекомендации врачей о применении к обвиняемому ПММХ, поскольку суд в отношении указанного лица должен первоначально решить вопрос о его виновности в совершении преступления и только после этого рассматривать вопрос о его психическом состоянии после совершения преступления и возможности применения ПММХ.

Вопрос о моменте приобретения подозреваемым или обвиняемым статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, является одним из дискуссионных⁷. Данный момент не определен в УПК РФ, полагаем, что в стадии предварительного расследования лицо не должно приобретать указанного статуса в связи с тем, что решение о невменяемости согласно ст. 442 УПК РФ будет окончательно приниматься судом. С нашей точки зрения, статус лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, должен приниматься после вынесения судом постановления об освобождении лица от уголовной ответственности и наказания и о применении к нему ПММХ. После оглашения судом соответствующего постановления лицу, в отношении которого будут применяться ПММХ, должны быть разъяснены его права.

Момент принятия постановления о применении ПММХ судом должен рассматриваться как момент начала производства о применении ПММХ, поскольку именно с этого момента возможно применение указанных мер к лицу с помещением его в стационар.

Следует отметить, что временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях на основании судебного решения, которое применяется при решении вопроса о замене меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого, к которому заключением судебно-психиатрической экспертизы рекомендуется применять ПММХ, не может рассматриваться как начало производства о ПММХ, поскольку в указанной ситуации помещение лица связано исключительно с лечебными целями, хотя возникает вопрос о типе медицинской организации, в которую помещается лицо. Законодатель в ст. 435 УПК РФ указал,

⁷ См.: Вицын С. Е. Принудительные меры медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 141 ; Куцова Э. Ф. Расширять процессуальные права свидетелей // Сов. юстиция. 1965. № 22. С. 13 ; Колмаков П. А. Проблемы правового регулирования принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 16 ; Татьяна Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 196 ; Шатрова А. В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 111–122 ; и др.

что тип медицинской организации должен соответствовать характеру и степени психического расстройства данного лица, определяемого на основании заключения экспертов. Полагаем, что данный вопрос должен определяться врачами медицинской организации, в которую помещают подозреваемого или обвиняемого, нуждающегося в ПММХ, а не экспертами-психиатрами, поскольку их заключение будет оцениваться при рассмотрении уголовного дела в совокупности со всеми доказательствами. Врачи медицинской организации, оказывающей лечебную помощь, исходят из поставленного ими диагноза. Поскольку нахождение в медицинской организации осуществляется на основании судебного решения в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, по формальным основаниям оно может быть признано мерой процессуального принуждения, применяемого в отношении отдельной категории подозреваемых и обвиняемых, как альтернатива меры пресечения, в связи с чем основания для признания помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, не могут быть признаны началом производства о применении ПММХ.

Целесообразность направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд заключается в том, что при рассмотрении уголовного дела еще в стадии подготовки к судебному разбирательству в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ суд может направить уголовное дело прокурору для составления обвинительного заключения по уголовному делу, поступившему с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера, что повлечет за собой неоправданную волокиту и необходимость фактического производства дополнительного расследования, связанного с предъявлением обвинения, допросом обвиняемого, ознакомлением с материалами уголовного дела и т. д. Направляя уголовное дело в суд с обвинительным заключением, а не постановлением о применении ПММХ, следователь соблюдает все права обвиняемого. Если суд, согласившись с мнением экспертов-психиатров, сочтет его невменяемым или заболевшим психическим расстройством и нуждающимся в применении ПММХ, то он вынесет соответствующее постановление без возвращения уголовного дела прокурору и дополнительной волокиты. Указанный порядок обеспечивает свободу принятия решения судом, который не будет связан мнением следователя и прокурора о предполагаемой невменяемости лица. Постановленное судом постановление о применении ПММХ должно рассматриваться как начальный момент указанного производства. Полагаем, что начало производства о применении ПММХ не зависит от вступления в законную силу судебного решения, поскольку после его провозглашения лицо приобретает статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении ПММХ, и оно обладает всеми правами указанного лица.

Вторичность производства о применении принудительных мер медицинского характера обусловлена тем, что вопрос о нем должен решаться по итогам рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве судом первой инстанции по существу. Признание невменяемости обвиняемого либо развитие у него психоза после совершения преступления при наличии необходимости применения ПММХ влекут за собой принятие постановления о начале указанного производства.

Рассмотрение апелляционной жалобы или апелляционного представления в суде второй инстанции должно рассматриваться как реализация права на обжалование судебного решения, а не как начало производства о применении ПММХ. Исполнение постановления о применении ПММХ происходит в стадии исполнения приговора с учетом особенностей исполнения принятого судом решения.

Гарантии подозреваемого и обвиняемого, в отношении которых согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы должны применяться ПММХ, в виде участия законного представителя обусловлены наличием у них психического расстройства, затрудняющего реализацию своих прав и обеспечение их защиты. В связи с этим они должны обеспечиваться с момента получения заключения судебно-психиатрической экспертизы о необходимости применения ПММХ к испытуемому. Участие адвоката-защитника должно быть безусловным в отношении всех подозреваемых и обвиняемых, имеющих любую форму психического расстройства.

Полагаем, что началом производства о применении принудительных мер медицинского характера является вынесение судом первой инстанции соответствующего постановления, принятие которого влечет за собой появление такого участника, как лицо, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера. Гарантии в виде участия адвоката-защитника и законного представителя обусловлены необходимостью защиты прав лица, имеющего определенные психические расстройства. Применение лечения в медицинской организации не является принудительной мерой медицинского характера, поскольку направлено на достижение лечебных целей.

Удмуртский государственный университет

Татьянина Л. Г., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Udmurt State University

Tatyanina L. G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Process and Law Enforcement Department

E-mail: larisa-lisa@mail.ru

ЛИЧНОСТЬ КОРРУПЦИОНЕРА КАК РЕЗУЛЬТАТ НЕКРИТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ ОБЩЕСТВА

Автор рассматривает особенности формирования личности коррупционера, анализирует причины и условия ее становления. Отдельное место уделяется влиянию общества на формирование личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: личность, причины, условия, коррупция, профилактика, чиновник, ответственность.

THE IDENTITY OF A CORRUPT PERSON AS A RESULT OF NON-CRITICAL RELATIONS OF SOCIETY

The author considers the peculiarities of forming the personality of a corrupt official, analyzes the causes and conditions of its formation. A separate place is paid to the influence of society on personality formation.

К e y w o r d s: identity, reasons, conditions, corruption, prevention, official, responsibility.

Поступила в редакцию 25 февраля 2022 г.

Найдется немного таких слов, которые могли быть так распространены, как слово «коррупция». Слово «коррупция» твердо вошло в этический социологический, политический и юридические языки. У юристов, как правило, нет разногласий относительно содержания этого понятия. Для них, если не делать оговорок, коррупция – это совокупный мыслительный и практический опыт использования властных возможностей (в любой стране, при любом строе и любой власти), доверенных прав, накопленных поколениями чиновников и собственных, частных интересов. Можно уверенно утверждать, что это достаточно сложное, многогранное социальное явление (в основном взяточничество) трудноразрешимо в силу самой природы коррупции. Оно заключается в том, что обе стороны не заинтересованы в установлении истины. Наоборот, они делают всё, чтобы скрыть данное преступление. Н. Макиавелли определял коррупцию как использование публичных возможностей в частных интересах и сравнивал ее с недугом, «который вначале трудно распознать, но легко лечить, а позже – уже легко распознать, но почти невозможно лечить»¹.

Слова мыслителя «...но почти невозможно лечить» не означают, что мы должны находиться в состоянии обреченности, что бесполезно искать эффективные, действенные меры, которые могут быть применены к правонарушителям. Эти слова указывают лишь на то, что данная болезнь тяжелая и, как любую болезнь, ее необходимо своевременно лечить, существенно тормозить ее течение. Говоря «своевременно», мы указываем на роль и значение деятельности правоохранительных и судебных органов, которые и являются основным инструментом в своевременном обнаружении и пресечении кор-

¹ Макиавелли Н. Соч. М., 2001. С. 221.

© Абашева Ф. А., 2022

рупционных преступлений. В юридической литературе часто встречается утверждение, что преодолеть вряд ли возможно, а сократить можно. Действительно, пока существует государство, бюрократия, будет существовать и коррупция, но уменьшить ее масштабы – вполне реальная задача. Интересна практика Ивана Грозного, который наказывал смертной казнью не сам факт взятки, а «чрезмерность взятки».

Особое распространение коррупция получает в условиях количественного разрастания кадров управления. К концу 2020 г. в России насчитывалось более 1,6 млн только государственных чиновников, не считая муниципальных. Напрашивается вполне резонный вывод: сокращение аппарата управления на всех уровнях как минимум вдвое и усиление работы наиболее ответственного звена в управлении – подбор и расстановка персонала. Атмосфера, возникающая в результате усложнения техники административной работы, также является почвой для увеличения числа коррупционеров.

Говоря об уровне коррупции, принято проводить динамику раскрытия коррупционных преступлений, число осужденных чиновников и, главным образом, сумму украденных денег. Обилие подобных цифр в печати, на телевидении, в статистических данных правоохранительных и судебных органов невольно формирует в общественном сознании отвращение к государственной, правоохранительной и судебной деятельности, убеждение, что все чиновники – воры. Нас интересует не социологические выкладки, которые, конечно, тоже важны, а оценочные суждения о коррупции здоровой части государственных и политических деятелей, серьезно думающих о будущем страны; они всегда были и остаются отрицательными, поскольку коррупция всегда была и остается одной из самых деструктивных сил в государстве. Коррупция как общественно опасное явление в сфере политики государственного управления, выражающееся в умышленном использовании своего служебного положения, есть не что иное, как измена не только самому себе, но и своему делу, а также государству, безопасность которого во многом зависит от степени коррумпированности чиновников.

Многочисленное внутригосударственное законодательство и нормы международного права, имплементированные в национальное законодательство, направленные на предупреждение этого массового социального недуга, а также выступления и призывы Президента РФ показывают, что противодействие коррупции проводится по двум основным направлениям – профилактика и пресечение коррупционных преступлений через административно-правовые и уголовно-правовые средства. Это означает совершенствование действующего законодательства и надлежащую открытость хозяйственной, финансовой и иной деятельности. По сути, речь идет об усилении роли правоохранительных и судебных органов, которым государство делегировало функцию насилия.

Исходя из анализа действующего законодательства упор делается на пресечение преступлений с акцентом на ужесточение наказания. Однако жестокость наказания – не самоцель. Не всегда целесообразно наказывать за экономические преступления так же жестоко, как насильников и грабителей, которые не имеют никаких заслуг перед обществом и государством. Мы за то, чтобы в системе наказаний на передний план выдвинуть конфискацию имуще-

ства коррупционера, полученного преступным путем, как это делается во всех цивилизованных странах. Для коррупционера главное – деньги, приобретения, вложения. Для коррупционера трагедия не только в том, что его осудили, а, прежде всего, в том, что отобрали.

Характеризуя поведение коррупционера – это посприание не только законов государства, но и нравственных норм, в основе чего лежит духовная нищета. Мы долгое время игнорировали направляющую роль нравственного начала, роль культуры поведения, являющейся надежным методом выработки анти-тел к коррупции. Несовершенство общества исправляется не только кнутом, т. е. насилием, но прежде всего моральным осуждением людей. Чиновники, выросшие на классической литературе, на высоком искусстве, на прекрасном и высоком нравственном чувстве, не могут быть коррупционерами по определению.

Профессиональная культура юриста – это не только овладение уголовным, уголовно-процессуальным правом, но и умение свободно ориентироваться в литературе, поэзии, музыке, философии наконец, что дает возможность управлять своими эмоциями, интеллектуальными и материальными потребностями. Решение проблемы под этим углом зрения явилось бы эффективным, стратегически верным, гарантированным подходом. Российские правоведы XIX в., создавшие непревзойденную по стройности и логичности систему права, подчеркивали, что и фундаментальные причины реального поведения коррупционера следует искать, прежде всего, в особенностях «анатомии» его души, в глубинных основах личности, в природной сноровке, личной инициативе, напористости. Поэтому наиболее адекватно причины коррупционных преступлений не могут быть оценены вне профессиональной этики, предметом которой и является нравственность и моральное сознание².

Всё остальное, которое способствует коррупционному поведению, выражается понятием «условие». Другими словами – это та среда, в которой возникает, развивается, существует явление, но само по себе его не вызывающее. Это и отсутствие уверенности коммерсанта в защите права собственности, и некачественный отбор чиновников, и неэффективность судебной системы, и ряд других причин. Но если нет причин, то условия, какими бы благоприятными для чиновников они ни были, не срабатывают. Причин много, и выражаются они в неразвитости гражданского общества, где каждый гражданин не просто имел бы возможность проверять движение любых денежных средств любого чиновника, а обязанность каждого чиновника отражать движение любых денежных средств на официальном сайте государственного или муниципального органа. Немецкий философ Э. Кант сформулировал эту важную идею: желательно, чтобы каждый гражданин обладал той же возможностью контроля в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий – к гражданину.

Основу же комплексного, прежде всего этического, психологического и социально-правового, явления составляют: 1) не критическое отношение чиновника к самому себе; 2) потеря ответственности; 3) стирание грани между

² См.: Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. Т. 2.

сущностью и существованием; 4) потеря гармонии между долгом и совестью, законным и незаконным, должным и сущим. Наступает момент, когда эта основа как бы отделяется от служебной деятельности чиновника и начинает вести самостоятельное существование как вид некоторой независимости, полностью контролируя поведение коррупционера и манипулируя его сознанием. Приспособление чиновника к разрушающим его тенденциям, попытки сохранить себя в этих условиях могут временно принести коррупционеру стабильное душевное существование. Но только временное. Всякое другое – подлинное для него – ложное, тотально неприемлемое. Извращенное. Конечно, любой коррупционер сохраняет в себе формальную верность присяге, к общественным идеалам, традициям. Поскольку для него исключена честность, он продолжает деятельность преступную, которая всегда украшена не добром, а злом, жадностью, жестокостью, подозрительностью, которые ранее были не так заметны. Получается, что причина коррупциогенного поведения во многом определяется совокупностью сохранившихся, глубоко сидящих природных инстинктов, направленных на собственность, а также непросвещенностью, отсутствием подлинного гуманитарного образования и вытекающими отсюда легкомыслием, цинизмом и прагматизмом. На их почве формируются поступки и устремления людей, направленные на незаконное обогащение.

Кроме причины, необходимо говорить и об условиях коррупции. Они зависят от многих факторов, не в последнюю очередь от норм права. Коррупция проявляется в использовании тем или иным государственным чиновником или должностным лицом многообразных возможностей своего служебного положения для грубой, личной наживы в ущерб государству и носит конфиденциальный, латентный характер, где обе стороны достигают поставленной цели – незаконные выгоды и незаконные преимущества. Отсюда другой аспект вопроса – полная прозрачность деятельности чиновника в расходовании государственных средств. Здесь велика роль прокуратуры, суда, а также общественных организаций, общественных советов при правоохранительных и судебных органах. Надо действовать по принципу – или коррупция или общественная гармония.

Деньги, предметы роскоши, дорогие вещи для коррупционера являются не мерилом труда, а результатом «умелого обращения с формулой: ты мне, я тебе». Чиновники оказываются в цепких руках низменных инстинктов, в реальной зависимости от материальных ценностей, выступающих как необузданные слепые и самостоятельные силы. Деньги – это единственное, что их волнует³. Не удивительно, что деньги, полученные нечестным путем, еще больше погружают следователя, прокурора, судью, чиновника в мир криминала. Коррупция – это и есть воплощение, проявление инстинктов в самой грязной форме, которая должна заканчиваться наказанием и расплатой коррупционера. Под словом «иметь» коррупционер видит только материальные блага, поскольку для него быть, значит обладать этими благами. Коррупционер до определенной поры не замечает об исчезновении достижений человеческого духа. В основе его действий лежит не здравый разум, не нравственность, а именно

³ См.: Кант Э. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3.

материальные запросы. Чем более у него капитал материальный, тем меньше капитал человеческий, внутренний.

В формировании внутреннего мира коррупционера порой довольно важную роль играет случайность (случайно обнаружил хитрую схему, случайно обнаружил «дыру» в законе), но не она оказывается решающим фактором, тем, что подготавливает, обуславливает личность коррупционера. За всеми этими случайностями нельзя не заметить низкую профессиональную подготовку, незнание элементарных нравственных заповедей. Коррупционер глубоко заблуждается, что он свободен. Если понимать свободу как возможность выбора, то да: он свободен купить что угодно, распорядиться огромными ценностями, свободен от материальной нужды. Но на самом деле, коррупционер – раб своих материальных потребностей. Мировоззрение коррупционера складывается стихийно. В жизни коррупционера судьба и несвобода тесно связаны друг с другом. Немаловажным фактором нормального функционирования любой системы является правильное стимулирование (мотивация) сотрудника. Для должностных лиц правоохранительных и судебных органов, особенно в силовых структурах, важным стимулом является принуждение – закон, приказ. С одной стороны, независимость, а с другой – послушание являются одним из стержневых служебных, да и моральных качеств любого воспитанного должностного лица правоохранительных и судебных органов. Высшие побудительные мотивы такого поведения заложены в чувстве долга, чести и достоинстве. Необходимо не просто подчинение, а добровольное подчинение, полная готовность исполнять закон, выполнять приказ. Умение подчиняться – это базовое качество сотрудника правоохранительного органа, а для судьи – умение правильно применять закон с учетом индивидуальности субъекта и особенностей объективного характера. Внутренняя способность исполнять закон и подчиняться закону и рабское, слепое сознание на подчинение – далеко не одно и то же. В данном вопросе велика роль руководителя как политического, правового лица. Немаловажным является и тип руководителя. Руководитель должен превосходить всех остальных в объеме специальных знаний; в наилучшем понимании ценностей и потребностей своего коллектива; степени владения совокупностью нравственных правил, норм права и морали. Важная задача государства – формировать таких руководителей.

Не следует забывать, что иному чиновнику, находящемуся у власти, особенно важна его финансовая самостоятельность как гарантия успеха во всем, дающая дополнительную уверенность в своих возможностях для поддержания высокого статуса, высокого уровня жизни, высокой самооценки за счет других. Характер предупредительных мер к коррупциогенным факторам со стороны руководителя еще и связан с внутренним климатом в коллективе. Именно поэтому должна создаваться система материального и морального стимулирования как для руководителя, так и для подчиненных. Что касается отдельных руководителей – бюрократов, то для них государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами в дедание карьеры. Основой общения таких руководителей является их тотальная подозрительность, что является причиной утраты уважительных, подлинно человеческих отношений в коллективе. Поэтому они пытаются окружить себя не знающими дело людьми

ми, а льстецами и невеждами. Что касается отношения таких руководителей к закону уместно вспомнить Салтыкова-Щедрина: «Если чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то сняв оный со стола, положи под себя».

Выход из затруднений, связанных борьбой с коррупцией связан во многом с развитием гражданского общества; разработкой новой системы методов отбора руководящих кадров; с совершенствованием законодательства в рамках ответственности каждого чиновника за свою государственную деятельность; совершенствованием системы воспитания; со страхом перед возмездием и страхом потерять всё «заработанное». Немаловажным фактором в борьбе с коррупцией является расширение международного сотрудничества, с чем и связано создание в 2020 г. должности Европейского прокурора, в полномочиях которого прокурорский надзор за расследованием и раскрытием коррупционных преступлений.

Удмуртский государственный университет

***Абашева Ф. А.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и правоохранительной деятельности*

Udmurt State University

***Abasheva F. A.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Process and Law Enforcement Department
E-mail: kafedrauppd@mail.ru*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы уголовно-процессуальной функции относятся к одной из наиболее значимых в уголовно-процессуальной науке. Будучи органично связанной социально-правовой природой и назначением уголовного судопроизводства, познание доминантных составляющих возможно лишь в условиях всестороннего и объективного анализа. Именно это и имеет место в предлагаемой статье.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовно-процессуальная функция, наука, познание, объективный анализ.

CRIMINAL PROCEDURE FUNCTIONS: MODERN PROBLEMS

The problems of the criminal procedural function are one of the most significant in the science of criminal procedure. Being organically linked by the social and legal nature and the purpose of criminal proceedings, the knowledge of its dominant components is possible only in the context of a comprehensive and objective analyze of them. This is exactly what is the case in this article.

К е у w o r d s: criminal procedure function, the science, cognition, objective analysis.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

В уголовно-процессуальной доктрине учение об уголовно-процессуальных функциях в силу своей органичной связанности с теорией и практикой уголовного судопроизводства со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. занимает центральное, доминантное положение в монографии З. З. Зинатуллина «Уголовно-процессуальная наука постсоветской России: генезис становления, развития и современные проблемы»¹. обстоятельно проанализирован весь сложный, во многом тернистый путь формирования учения об уголовно-процессуальных функциях и его развитие в досоветский (И. Я. Фойницкий, В. Л. Случевский), советский (М. С. Строгович, С. А. Голунский, Ф. Н. Фаткуллин, П. С. Элькинд, А. М. Ларин) и постсоветский (В. М. Бозров, В. А. Азаров, А. П. Гуськова) периоды жизни России² и сделан вывод, что

¹ См.: Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальная наука постсоветской России : генезис становления, развития, современные проблемы. Общетеоретические доминанты. М., 2021. С. 33–44.

² См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 5-е изд. СПб., 1996. Т. 1. С. 63–64 ; Случевский В. Л. Учебник русского уголовного судопроизводства. СПб., 1910. С. 501–505 ; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 2. С. 188–189 ; Голунский С. А. Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 125–131 ; Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 55 ; Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 62 ; Ларин А. М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции. М., 1986. С. 13 ; Гуськова А. П. К вопросу о функциях уголовно-процессуального права : сб. статей Междунар.-практ. конф.

дефиницию уголовно-процессуальной функции, которой, к сожалению, нет в ст. 5 УПК РФ, посвященной разъяснению уголовно-процессуальных понятий, необходимо связывать только с целенаправленной деятельностью участников уголовного судопроизводства по выполнению поставленных перед уголовным судопроизводством задач. Сделанный вывод полностью согласовывается с трактовкой функции права, сформулированной Д. А. Керимовым и С. С. Алексеевым, Ф. Н. Фаткуллиным и В. В. Лазаревым³, с подходом к пониманию права А. Б. Венгеровым как к «целостному социальному институту, имеющему нормативно-регулятивную социально полезную природу»⁴. На последнее обстоятельство необходимо обратить особое внимание, ибо в нем заключено всё то, что входит в содержание уголовно-процессуальных функций.

Изложенное выше определение уголовно-процессуальной функции составило основу и наших исследований по проблемам уголовно-процессуальных функций⁵. Здесь мы столкнулись с тем обстоятельством, что в отличие от УПК РСФСР 1960 г., содержащего четко сформулированную уголовно-процессуальную норму о задачах уголовного судопроизводства (ст. 2 УПК РСФСР 1960 г.), в УПК РФ 2001 г. законодатель ограничился лишь указанием о назначении российского уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в качестве которого определены: а) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и б) защита личности от незаконного и обоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. По сути, законодатель лишь воспроизвел на уровне уголовно-процессуального законодательства содержание ст. 2 Конституции РФ, не указав при этом на то, как и с помощью каких средств может выполняться такое предназначение. Законодатель просто проигнорировал постулат всей нашей жизни: чтобы добиться чего-либо, можно лишь имея и надлежащим образом используя определенные средства, которые могут носить физический, материальный, интеллектуальный характер. Указания на такие средства и составляли содержание ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. в виде ориентировки на необходимость быстрого и полного раскрытия преступления, изобличения виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

На необходимость конструирования в УПК РФ 2001 г. специальной статьи о задачах современного российского уголовного судопроизводства указывалось нами, в частности, на Международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового УПК РФ, проведенной в феврале 2002 г.

Ижевск, 2013. С. 68 ; Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальной функции. Общая часть. Екатеринбург, 2012. С. 16–43.

³ См.: Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 334–370 ; Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 251–265 ; Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 201–216 ; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 1998. С. 171.

⁴ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2008. С. 374.

⁵ См.: Зинатуллин Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск, 2002 ; Абашева Ф. А., Зинатуллин Т. З. Функциональная характеристика современного уголовного процесса. М., 2008.

в Московской государственной юридической академии⁶. На необходимость формулирования в УПК РФ такой задачи указывают практически все ученые-процессуалисты и сотрудники органов следствия, прокуратуры и суда. При этом предлагаются и проекты содержания такой статьи⁷. Законодатель же, к сожалению, остается «глух и нем» ко всем такого рода предложениям. Понять данную позицию законодателя, регулярно вносящего в УПК РФ самые различные изменения и дополнения, игнорирующего глубоко обоснованные предложения о настоятельной необходимости конструирования в УПК РФ статьи о тех задачах, которые должны выполняться лицами, расследующими и разрешающими уголовные дела, просто невозможно. Правоприменителям же часто приходится обращаться к ведомственным актам, разъяснениям, содержащимся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Закон же есть закон, который и должен доминировать в уголовно-процессуальной деятельности.

О видах уголовно-процессуальной функции в российской уголовно-процессуальной науке все еще имеется множество мнений. Безусловным позитивным фактом является то, что законодатель, несмотря на отсутствие в ст. 5 УПК РФ самого понимания уголовно-процессуальной функции, в ч. 2 ст. 15 УПК РФ указывает на наличие в уголовном судопроизводстве таких уголовно-процессуальных функций, как обвинение, защита и разрешение уголовного дела, которые «отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо». Без названных уголовно-процессуальных функций, конечно же, не мыслимо ни одно производство по уголовным делам, причем вне зависимости от того, осуществляется ли оно в обычном (традиционном) или в каком-либо дифференцированном (упрощенном или усложненном) порядке. Вместе с тем система уголовно-процессуальной функции не может сводиться лишь к указанной законодателем триаде последних. Ибо в процессе уголовно-процессуальной деятельности возникает необходимость и в разрешении ряда других задач. Определяющий же для всей уголовно-процессуальной деятельности характер присущ именно указанным в ч. 2 ст. 15 УПК РФ функциям.

В указанной законодателем триаде уголовно-процессуальных функций функция обвинения занимает начальное место. Ее возникновение связывается с формированием по уголовному делу обвинения в его материально-правовом содержании, составными частями которого являются: а) фактическая фабула обвинения, представляющая собой реальное содержание инкриминируемого обвиняемому деяния; б) юридическая формулировка обвинения в виде общих присущих отдельным разновидностям составов преступлений правовых признаков (умышленное убийство, грабеж, разбойное нападение, мошенничество и т. д.) и в) правовая квалификация как закрепленный в соответствующем уголовно-правовом акте вывод, что инкриминируемое лицом деяние подпадает под содержание конкретной статьи, ее части, пункта закона (УК РФ). Если расследование по уголовному делу проводилось в форме предварительного

⁶ См.: *Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З.* УПК РФ 2001 г. и проблемы надлежащего уголовно-процессуального регулирования // *Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной принятию нового УПК РФ.* М., 2002. С. 29–31.

⁷ См.: *Зинатуллин З. З.* Избранные труды : в 2 т. СПб., 2013. Т. 2. С. 367.

следствия при наличии указанных составных элементов обвинения в материально-правовом содержании, выносится постановление о привлечении лица, которому инкриминируются совершение преступления по уголовному делу в качестве обвиняемого (ст. 171 УПК РФ), и уголовно-процессуальная функция обвинения начинает свою «работу». Если же расследование по уголовному делу производится в форме дознания, то обвинение как уголовно-процессуальная функция начинает свою «работу» с составления обвинительного акта (ст. 225 УПК РФ), а при производстве дознания в сокращенной форме – с момента составления в соответствии со ст. 226.7 УПК РФ обвинительного постановления.

В указанной ч. 2 ст. 15 УПК РФ триаде уголовно-процессуальных функций функция защиты занимает второе, после функции обвинения, положение. Уже это обстоятельство – свидетельство тому, что защита как уголовно-процессуальная функция, выступающая по своей сути в качестве своего рода трансформации в уголовное судопроизводство государственной функции по охране прав и свобод человека и гражданина, начинает свою «работу» лишь после формулирования обвинения по уголовному делу. С этого момента защита как уголовно-процессуальная функция проявляет себя на всех дальнейших этапах производства по уголовному делу, на которых «работает» функция обвинения. Тот же факт, что в соответствии с ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник может участвовать в уголовном процессе с момента осуществления процессуальных действий, составляющих содержание того, что именуется на практике как «доследственная проверка», осуществляемая в рамках ст. 144 УПК РФ на предмет наличия в информации о преступлении признаков того или иного преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), не есть констатация начала осуществления защиты как уголовно-процессуальной функции, а лишь свидетельство начала оказания лицу, подозреваемому в совершении преступления в соответствии со ст. 48 Конституции РФ, квалифицированной юридической помощи в защите его прав и свобод. Нет необходимости предавать такому лицу процессуальный статус заподозренного в совершении преступления лица, как это предлагается некоторыми соискателями ученых степеней, да к тому же с официальным оформлением такого решения в письменном акте «органа уголовного преследования, содержащего указания на события, в связи с которыми проверяется причастность лица к совершению преступления» с последующим «разъяснением такому лицу его процессуальных полномочий»⁸.

Что касается уголовно-процессуальной функции, обозначенной в ч. 2 ст. 15 УПК РФ как разрешение уголовного дела, то в своем широком понимании названная функция может проявлять себя практически на любом этапе производства по уголовному делу при наличии любого из предусмотренного ст. 24–28.1 УПК РФ основания посредством прекращения по нему производства (ч. 1 ст. 212 УПК РФ). Вместе с тем представляется, что законодатель в ч. 2 ст. 15 УПК РФ речь ведет об уголовно-процессуальной функции разрешения уголовного дела, по своему существу того, что составляет «сущность чего-нибудь, крайне важный, необходимый сущностный признак чего-нибудь», «внутреннее со-

⁸ *Филлипенко И. А.* Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 14.

держание чего-нибудь»⁹. Основным сущностным вопросом уголовного дела является вопрос, виновен или не виновен обвиняемый в инкриминируемом преступлении¹⁰. В силу этого разрешение уголовного дела по своему существу и есть не что иное, как осуществление по уголовному делу правосудия. Начав «работать» с открытия судебного заседания по разбирательству конкретного уголовного дела (ст. 261 УПК РФ), уголовно-процессуальная функция «разрешение уголовного дела по существу» предъявлением подсудимому обвинения имеет место на всех последующих, связанных с осуществлением правосудия, этапах и стадиях производства по уголовному делу, вплоть до вступления постановленного судом приговора в свою законную силу. Разрешение инкриминируемого подсудимому обвинения по своему существу в виде осуществления по уголовному делу правосудия есть главная, своего рода целеполагаемая функция уголовного судопроизводства¹¹.

Наряду с закрепленными в ст. 15 УПК РФ уголовно-процессуальными функциями, носящими, по сути, генерирующий, системообразующий характер при производстве по уголовному делу, проявляют себя и другие функции, связанные с разрешением отдельных вопросов по уголовному делу. В их числе весьма значимыми являются вопросы, связанные с обеспечением возмещения причиненного преступлением вреда, с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства, с необходимостью постановки на должный уровень деятельности по профилактике преступлений и другие вопросы. Не делает чести нашему законодателю, что многие из таких вопросов остаются вне поле его зрения. Достаточно напомнить ст. 21, 29, 140, 321 УПК РСФСР 1960 г., обязывающие правоохранительные органы к принятию мер по профилактике преступлений по обеспечению гражданского иска по уголовным делам и возмещению причиненного преступлением ущерба. Отрадно, что в последние годы такого рода вопросам стало уделяться больше внимания. Так, такими учеными, как О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин, А. А. Дмитриева¹², на диссертационном уровне обосновывается необходимость формулирования на законодательном уровне самостоятельного принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства¹³. Думается, что надлежало бы скорректировать соответствующим образом и Конституцию РФ, указав в ней, что не только признание, соблюдение прав и свобод человека и гражданина,

⁹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978. С. 718–719.

¹⁰ См.: Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. С. 7 ; Зинатуллин Т. З. Основной вопрос уголовного дела : содержание, разрешение // Вестник Удмуртского гос. ун-та. Серия: Экономика и право. 2019. Т. 29, вып. 4. С. 495–500.

¹¹ См.: Зинатуллин Т. З. Осуществление правосудия – функция российского уголовного процесса // Российский судья. 2001. № 6. С. 12–13.

¹² См.: Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001 ; Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004 ; Дмитриева А. А. Механизм обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004.

¹³ См.: Зарипов Ф. Ф. Реализация принципа обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в условиях современной уголовно-процессуальной политики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021.

но и обеспечение безопасности всех граждан является обязанностью государства. К этому призывают, в частности, и трагические события, произошедшие в Казани и Перми, унесшие жизни молодых людей. Дело за законодателем и Президентом РФ.

Удмуртский государственный университет

Зинатуллин Т. З., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности Института права,
социального управления и безопасности

Udmurt State University

Zinatullin T. Z., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Criminal Process and Law Enforcement of the Institute of Law,
Social Management and Security
E-mail: kafedrauppd@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЖАЛОВАНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПОРЯДКЕ СТ. 125 УПК РФ

*Анализируются нормы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ и судебной практики. Выделены уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при подаче, рассмотрении и принятии судебных решений по жалобам на постановления о возбуждении уголовного дела, направляемым в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, а также изложены авторские предложения по их разрешению.
К л ю ч е в ы е с л о в а: возбуждение уголовного дела, постановление, порядок, основания, решения, субъекты, предмет обжалования.*

SOME FEATURES OF THE APPEAL OF THE DECISION TO INITIATE A CRIMINAL CASE IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 125 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Analyzed of the norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation and judicial practice. The criminal procedural problems arising during the filing, consideration and adoption of court decisions on complaints against decisions on the initiation of criminal proceedings sent to court in accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are highlighted, as well as the author's proposals for their resolution are outlined.
K e y w o r d s: initiation of a criminal case, resolution, procedure, grounds, decisions, subjects, subject of appeal.*

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

В ст. 46 Конституции РФ закреплено право каждого на судебную защиту его прав и свобод. Отсюда следует, что каждому предоставляется гарантия судебной защиты прав и свобод в уголовном судопроизводстве, посредством обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц в досудебном производстве по уголовным делам.

Указанное конституционное право нашло свое отражение в главе 16 УПК РФ «Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство».

В частности в ст. 125 УПК РФ закреплено право на подачу жалобы на постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам

участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

В соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» наряду с постановлениями дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела судебному обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ также подлежат постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица на основании, что данные решения способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

В данном случае необходимо отметить, что в ст. 125 УПК РФ одним из пробелов является отсутствие указаний на предмет и пределы проверки жалобы, поданной на постановление о возбуждении уголовного дела.

Хотя в вышеуказанном постановлении Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 обозначено право на обжалование постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, однако на практике нередко возникают проблемы с обжалованием постановлений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела по факту совершенных действий (бездействия), содержащих признаки того или иного состава преступления. Подобных постановлений, в отличие от постановлений о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, большинство.

Отсутствие в УПК РФ четких критериев возможности обжалования постановления о возбуждении уголовного дела по факту влечет к появлению судебных решений с выводами об отсутствии (наличии) предмета рассмотрения жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, что, на наш взгляд, является допущением судебной ошибки на этапе подготовки к судебному заседанию по рассмотрению поданной жалобы.

Полагаем, что данные постановления могут быть обжалованы в порядке ст. 125 УПК РФ, как и решения, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участникам уголовного судопроизводства. Например, следователем вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ – «Фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем». В ходе проведения предварительного расследования по уголовному делу были допрошены в качестве свидетелей лица, которые, по мнению следователя, предоставили в суд сфальсифицированное доказательство. В последующем в их жилище были проведены обыски на предмет отыскания следов совершения данного вида преступления. Таким образом, при производстве обыска предварительным следствием причиняется ущерб такому конституционному праву, как неприкосновенность жилища, предусмотренному ст. 25 Конституции РФ. Соответственно, если свидетели полагают, что нарушены их конституционные права, им должно быть предоставлено право не только обжаловать производство самого обыска или участвовать в судеб-

ном заседании о признании его законным, но и право обжалования самого постановления о возбуждении уголовного дела по факту совершения данного преступления как повлекшего осуществление в отношении данных лиц следственных действий, ущемляющих их конституционные права и свободы.

Необходимо также отметить, что в УПК РФ не определены пределы обжалования постановления о возбуждении уголовного дела, что дает право суду, рассматривающему жалобу, по собственному усмотрению устанавливать такие пределы. Данное обстоятельство влечет к допущению ошибок при принятии судом решения по жалобе, а именно жалоба рассматривается не в полном объеме (в решении отсутствуют анализ и правовая оценка доводов жалобы), выводы суда не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, нарушаются пределы доводов жалобы (в том числе в части компетенции суда относительно оценки доказательств).

Проанализировав положения ст. 140–145 УПК РФ, можно сделать выводы, что пределами проверки жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, на постановление органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела являются установление наличия повода и оснований для возбуждения уголовного дела, порядок рассмотрения сообщения о преступлении, компетентность (правомочие) должностного лица, вынесшего постановление о возбуждении уголовного дела, а также не имеется ли обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу.

Как указал Верховный Суд РФ в постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1, при рассмотрении доводов жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы подлежат разрешению в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

В данном случае мы не совсем согласны с позицией Верховного Суда РФ, так как если лицо в порядке ст. 125 УПК РФ обжалует постановление о возбуждении уголовного дела, с изложенными в жалобе доводами об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела, то суду, рассматривающему жалобу, необходимо будет проверять наличие достаточных данных, указывающих на признаки состава преступления.

Таким образом, суду надо разобраться, имеются ли в действиях конкретного или неустановленного лица признаки какого-либо состава преступления или признаки состава преступления, указанного в постановлении о возбуждении уголовного дела (как правило, объективные признаки состава преступления). В данном случае суд при рассмотрении жалобы будет затрагивать вопросы, касающиеся правовой оценки действий лица, в отношении которого возбудили уголовное дело, или действий неустановленных лиц.

Еще одним упущением в УПК РФ является отсутствие четких указаний на приемлемость жалоб, т. е. отсутствуют процедурные, субъектные, временные, преюдициальные и территориальные критерии.

Согласно ч. 2 ст. 125 УПК РФ жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем. В данной

статье приведен исчерпывающий перечень субъектов, имеющих право на подачу жалобы, и ограничивается участием данных субъектов в уголовном судопроизводстве.

Однако Верховный Суд РФ в постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 разъяснил, что, кроме вышеперечисленных субъектов, правом на подачу жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление о возбуждении уголовного дела обладают и иные лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их права и законные интересы.

Верховный Суд РФ также разъяснил, что «недопустимы ограничения права на судебное обжалование решений и действий (бездействия), затрагивающих права и законные интересы граждан, лишь на том основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками уголовного судопроизводства, поскольку обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина должно вытекать из фактического положения этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права».

Можно также отметить, что еще одним недостатком является отсутствие в ст. 125 УПК РФ требований к процессуальной форме самой жалобы (ее оформлению и содержанию).

Поэтому суды часто принимают решения о возвращении жалобы заявителю и оставлении ее без рассмотрения.

Как справедливо указывают некоторые авторы: «Требования, предъявляемые законодателем к жалобам, подаваемым в порядке ст. 125 УПК РФ, нигде не закреплены и носят опосредованный характер, что является законодательным пробелом, поэтому предлагаем дополнить статью 125 УПК РФ частью 3, где будут содержаться критерии, которым должна соответствовать жалоба»¹.

Кроме того, в уголовно-процессуальном законе не содержится требований о приобщении к жалобе каких-либо дополнительных документов или материалов уголовного дела.

Поэтому считаем целесообразным подавать жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ с приложением самого обжалуемого документа (постановления о возбуждении уголовного дела), а также указать в жалобе на необходимость истребования материалов уголовного дела, обосновывающих законность и мотивированность обжалуемого постановления о возбуждении уголовного дела.

В соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК РФ при рассмотрении жалобы на постановление органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела в судебном заседании могут принимать участие заявитель и его защитник, законный представитель или представитель, если они участвуют в уголовном деле, иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым решением о возбуждении уголовного дела, а также с участием прокурора, следователя, руководителя следственного органа.

¹ Попова А. Ю. Проблемы применения статьи 125 УПК РФ. Законодательные пробелы // Молодой ученый. 2019. № 43 (281). С. 118–121.

Кроме того, неявка лиц, своевременно извещенных о времени рассмотрения жалобы и не настаивающих на ее рассмотрении с их участием, не является препятствием для рассмотрения жалобы судом.

Из анализа ч. 3 ст. 125 УПК РФ вытекает право указанных субъектов участвовать в судебном заседании по рассмотрению жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела и не является их обязанностью.

Однако стоит отметить, что в ч. 3 ст. 125 УПК РФ не закреплена обязанность суда своевременно извещать указанных участников о дате проведения судебного заседания по рассмотрению жалобы.

Поэтому на практике нередко допускаются судебные ошибки, касающиеся ненадлежащего извещения участников уголовного судопроизводства или вообще рассмотрения жалобы по существу без уведомления субъектов, указанных в ч. 3 ст. 125 УПК РФ.

Считаем целесообразным устранить данный пробел путем внесения соответствующих дополнений в ч. 3 ст. 125 УПК РФ.

Полагаем, что при подаче жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела целесообразно в самой жалобе указать на желание участвовать при ее рассмотрении, а также на извещение о времени и дате судебного заседания.

Кроме того, при рассмотрении жалобы на постановление о возбуждении уголовного дела во всех случаях будет целесообразным ходатайствовать перед судом об обеспечении участия лица, вынесшего решение о возбуждении уголовного дела для установления его законности и обоснованности.

В УПК РФ не урегулирован также вопрос, может ли заявитель повторно подать жалобу на постановление о возбуждении уголовного дела, если он ее отозвал до назначения судебного заседания или в ходе рассмотрения в судебном заседании.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 также не содержится разъяснений по данному вопросу. В п. 8 данного постановления лишь даются разъяснения, что если по поступившей в суд жалобе будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена прокурором либо руководителем следственного органа, то в связи с отсутствием основания для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решений должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, судья выносит постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, копия которого направляется заявителю. Если указанные обстоятельства установлены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению. Если после назначения судебного заседания жалоба отозвана заявителем, судья выносит постановление о прекращении производства по жалобе ввиду отсутствия повода для проверки законности и обоснованности действий (бездействия) или решения должностного лица, осуществляющего уголовное преследование.

Соответственно по смыслу уголовно-процессуального закона и практики, заявитель не лишается на повторное обращение в суд с той же жалобой на постановление о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, анализ правоприменительной практики показывает, что должностные лица следственных органов состоявшееся судебное решение, вынесенное в порядке ст. 125 УПК РФ, не всегда принимают во внимание².

По этому поводу некоторые авторы указывают, что «игнорирование судебных решений – не более чем повод рассмотреть тот же спор, но уже повторно»³.

На наш взгляд, чтобы исключить повторного рассмотрения одной и той же жалобы, поданной на постановление о возбуждении уголовного дела, необходимо в УПК РФ прописать порядок исполнения судебных решений, принятых в порядке ст. 125 УПК РФ.

Необходимо также отметить, что в ст. 125 УПК РФ не содержится нормы, регулирующей порядок проверки судом жалобы, поданной на постановление о возбуждении уголовного дела, на предмет законности и обоснованности решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела.

Перед участниками судебного заседания встает вопрос: «Каким образом они могут обосновывать или опровергать доводы, изложенные в жалобе?». Могут ли они ходатайствовать перед судом о приобщении дополнительных материалов, должен ли суд истребовать по ходатайству участников судебного заседания или по собственной инициативе истребовать дополнительные материалы, могут ли стороны ходатайствовать о вызове лиц, которые могут дать пояснения относительно доводов, изложенных в жалобе, должны ли они приглашать данных лиц самостоятельно или ходатайствовать об этом перед судом.

Полагаем, что участники должны пользоваться всеми правами, предусмотренными при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, с изъятиями предусмотренными ст. 125 УПК РФ. А именно должны иметь возможность приобщать дополнительные материалы, которые, по мнению участников судебного заседания, могут подтвердить или опровергнуть доводы, изложенные в жалобе, поданной на постановление о возбуждении уголовного дела.

Разделяем позицию тех авторов, которые допускают, что в ходе судебного заседания могут допрашиваться лица, которые могут дать существенные пояснения по поводу обжалуемого решения⁴.

По нашему мнению, участвующие в судебном заседании должны иметь возможность через суд или самостоятельно приглашать лиц для дачи пояснений относительно законности и обоснованности принятого дознавателем,

² См.: Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Е. А. Кузьмина [и др.]. СПб., 2020. С. 68.

³ Колоколов Н. А. Жалобы на действия следователей и дознавателей. Отмены «отказных» судебных решений в практике ВС РФ // Уголовный процесс. 2020. № 5 (185). С. 27–35.

⁴ См.: *Малинин В. Б.* Проблемы применения ст. 125 УПК РФ. Вестник института : преступление, наказание, исправление № 2(18) // Вологодский ин-т права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Волгоград, 2012. С. 50.

начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, органом дознания, следователем, руководителем следственного органа решения о возбуждении уголовного дела.

В соответствии с ч. 5 ст. 125 УПК РФ по результатам рассмотрения жалобы судья может принять лишь два решения: о признании решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, т. е. отменить постановление о возбуждении уголовного дела; об оставлении жалобы без удовлетворения.

Как уже было сказано выше, судья при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ может принимать и другие виды решений: о возвращении жалобы заявителю; о прекращении производства по жалобе.

Если заявитель или другие субъекты, указанные в ч. 3 ст. 125 УПК РФ, не согласны с данными судебными решениями, они должны иметь возможность обжалования их в вышестоящий суд.

Поэтому целесообразно расширить ч. 5 ст. 125 УПК РФ и дополнить ее вышеуказанными судебными решениями.

Удмуртский государственный университет

Ишимов П. Л., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности

Udmurt State University

*Ishimov P. L., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Process and Law Enforcement of the Institute of Law, Social Management and Security
E-mail: kafedrauppd@mail.ru*

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВАНИИ СТАТЬИ 23 УПК РФ

Возможность участника гражданского оборота при осуществлении им финансово-хозяйственной деятельности предусмотреть ее правовые последствия обеспечивает стабильность гражданско-правовых сделок. Обеспечивая охранительную функцию уголовное судопроизводство не должно без достаточного на то основания вмешиваться в сферу экономического оборота хозяйствующих субъектов. Этим обусловлена позиция законодателя о введении диспозитивных начал в уголовное судопроизводство в части его инициирования по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, перечень которых ограничен нормами УПК РФ. Однако, предусмотрев в законе специальный правовой режим для возбуждения уголовного дела по преступлениям, ответственность за совершение которых предусмотрена главой 23 УК РФ, законодатель не встроил его в систему процессуального закона, что препятствует его реализации на практике. К л ю ч е в ы е с л о в а: порядок возбуждения, повод для возбуждения, диспозитивные начала, волеизъявление лица, принадлежность имущества, участник гражданского оборота, согласие на возбуждение.

DEBATABLE ISSUES OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE BASIS OF ARTICLE 23 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The ability of a participant in civil turnover to provide for its legal consequences when carrying out financial and economic activities ensures the stability of civil transactions. Providing a protective function, criminal proceedings should not interfere in the sphere of economic turnover of economic entities without sufficient reason. This is due to the position of the legislator on the introduction of dispositive principles in criminal proceedings in terms of its initiation for crimes against the interests of service in commercial and other organizations, the list of which is limited by the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. However, having provided in the law a special legal regime for the initiation of criminal proceedings for crimes, responsibility for which is provided for by Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation, the legislator did not integrate it into the system of procedural law, which prevents its implementation in practice.

K e y w o r d s: order of arousal, reason for arousal, dispositive principles, expression of will of a person, ownership of property, participant in civil turnover, consent to arousal.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Проблема дифференциации уголовного судопроизводства является производной от процесса рационализации как материального, так и процессуального права, а также его либерализации в части уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Стабильность экономического оборота опосредует принцип правовой определенности и обеспечивает возможность его участника предусмотреть правовые последствия своей финансово-хозяйственной деятельности.

В целях стабильности гражданско-правовых сделок, свободы договора и воспрепятствования необоснованного вмешательства государства в деятельность хозяйствующих субъектов законодатель пришел к выводу о необходимости введения диспозитивных начал в уголовное судопроизводство в части его инициирования по преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, если вред по ним не причинен государственным или муниципальным предприятиям либо организациям с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, а также некоммерческим организациям (ст. 23 УПК РФ).

Согласно указанной норме законодатель запретил следственным органам возбуждать уголовные дела о преступлениях, перечисленных в главе 23 УК РФ, если они причинили вред интересам коммерческой или иной организации (за исключением перечисленных выше случаев) без заявления руководителя такой организации либо без его согласия, чем фактически отнес уголовные дела по таким преступлениям к делам частного-публичного обвинения. Однако указанная позиция законодателя внутренне противоречит ч. 3 ст. 20 УПК РФ, поскольку в перечне статей, к которым применяются правила уголовного преследования по частно-публичному обвинению составы из главы 23 УК РФ (кроме ч. 1 ст. 201) отсутствуют.

Между тем широко распространена судебно-следственная практика, согласно которой возбуждаются и расследуются уголовные дела по такой категории экономических преступлений не только при отсутствии заявления потерпевшего, но и при полном отрицании причиненного ему ущерба.

Кроме того, следует отметить, что ст. 140 УПК РФ не содержит такого повода либо основания для возбуждения уголовного дела, как согласие руководителя организации, потерпевшей от преступления. Законодателем не разработана процедура дачи такого согласия, его форма (письменная либо устная), требования к его содержанию, а также условия для его изъявления.

При этом возникает вопрос, является ли согласие на возбуждение уголовного дела прямым волеизъявлением лица? Полагаем, что нет, поскольку заявление о возбуждении уголовного дела должно содержать просьбу о привлечении виновного лица к уголовной ответственности. В связи с этим следует привести позицию В. Н. Григорьева, который указывает, что любое официальное уведомление следователя о преступлении, не содержащее такой просьбы, не является поводом для возбуждения уголовного дела в смысле п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ¹. При этом согласие на возбуждение такого уголовного дела не означает признания таким лицом факта причинения ему имущественного ущерба. Оно не представляет собой активную позицию потерпевшего, характерную для дел частного-публичного обвинения, а наоборот, выражает полное

¹ См.: Григорьев В. Н. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. С. 314.

его безразличие к любым правовым последствиям, вытекающим из факта уголовно-процессуальной ревизии деятельности хозяйствующих субъектов.

Между тем А. П. Рыжаков справедливо указывает, что из ст. 23 УПК РФ не следует запрета производства предварительной проверки иного по смыслу ч. 1 ст. 140 УПК РФ повода, в котором сообщается о преступлении, предусмотренном главой 23 УК РФ. Однако, по нашему мнению, он безосновательно предлагает использовать такую проверку для целей получения согласия указанного руководителя на возбуждение уголовного дела либо получения от него заявления, содержащего такую просьбу². Такое действие органов, осуществляющих проверку иного повода для целей получения надлежащего повода для возбуждения уголовного дела данной категории, не является по своему содержанию правоохранительным, поскольку отсутствие воли стороны сделки на уголовно-процессуальную переоценку ее правовых последствий говорит об отсутствии у правоохранительного органа самостоятельного интереса для такой переоценки в силу отсутствия вреда публичным интересам.

В настоящее время понимание экономической преступности ограничено сферой бизнеса и предпринимательства. Однако нельзя забывать, что существует огромное количество коммерческих организаций с долей участия в них государства, но обладающих самостоятельным экономическим интересом.

Следует отметить, что в ст. 34 Конституции РФ речь идет не только о предпринимательской, но и об иной экономической деятельности. При этом если сущность предпринимательской деятельности раскрыта в п. 1 ст. 2 ГК РФ, то содержание «иной экономической деятельности» российским законодательством не определено. Кроме того, до настоящего времени законодатель не дал определения незаконной предпринимательской деятельности, а также не сформулировал границы ее осуществления (в частности, может ли существовать предпринимательская деятельность при отсутствии одного из ее признаков, например регистрации, приобретения имущества для личных нужд и его использование в предпринимательских целях либо иной экономической деятельности). Не сформулированы законодателем и общие признаки незаконности предпринимательской деятельности, которые должны быть положены в основу криминализации деяний, ответственность за которые предусмотрена соответствующими нормами действующего уголовного закона. При отсутствии надлежащего правового регулирования в части концептуальных понятий и признаков деятельности, при осуществлении которой для ее участников могут наступить неблагоприятные последствия в виде уголовного преследования, полагаем, что следует не только сохранять право хозяйствующего субъекта на молчание по данной категории уголовных дел, но и обеспечить его всеми доступными законодателю средствами.

Необходимо согласиться с позицией Д. В. Кравченко, который указывает, что государство не вправе произвольно вмешиваться в гражданские отношения частных субъектов и «переоценивать» какие-либо сделки или отношения

² См.: Рыжаков А. П. Поводы и основание для возбуждения уголовного дела. Комментарий к ст. 140 УПК РФ (материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс» с использованием правовых актов по состоянию на 29.07.2020). URL: <http://www.consultant.ru/>

«в уголовно-правовом смысле», поскольку такого самостоятельного смысла не существует³.

В свою очередь Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что федеральный законодатель обязан учитывать, что по смыслу положений ст. 55 Конституции РФ, во взаимосвязи ее со ст. 8, 17, 34 и 35, возможные ограничения федеральным законом прав владения, пользования и распоряжения имуществом, а также свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров, исходя из общих принципов права, должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц⁴.

Исходя из конституционно-правового смысла перечисленных норм, очевидно, что следственные органы не вправе определять ущерб частного субъекта в случае, когда последний заявляет об его отсутствии, а также устанавливать целесообразность и экономическую обоснованность юридически значимых действий таких субъектов. Это обусловлено отсутствием публично-правового интереса, являющегося неотъемлемым признаком уголовной ответственности.

В связи с этим нельзя полностью согласиться с мнением О. А. Максимова, который полагает, что реализация положений, направленных на обеспечение публичных интересов, приводит к гарантированию интересов частных⁵, поскольку частные и публичные интересы могут не только не соответствовать друг другу, но нередко прямо противоречить в силу разного экономического интереса частного и публичного субъектов. Это обусловлено тем, что признавая в публичных интересах необходимость пересмотра гражданско-правовой сделки, одной из сторон которых является ГУП, МУП либо предприятие с долей участия в нем государства (при условии, что дефект сделки обусловлен публичной стороной), законодатель не ограничивает от негативных последствий такого пересмотра частную сторону этой сделки, не имеющую отношения к защите публичных интересов.

Законодательство Российской Федерации предусматривает равенство всех форм собственности (п. 2 ст. 8 Конституции РФ). Между тем в уголовно-процессуальном законодательстве содержатся разные подходы к формам уголовно-правовой защиты собственности по признаку статуса владельца имуще-

³ См.: *Кравченко Д. В.* Правовая определенность, стабильность оборота и судебское усмотрение (тезисы выступления на первом московском правоприменительном форуме) // Судейское усмотрение : сб. статей / отв. ред.: О. А. Егорова, В. А. Вайпан, Д. А. Фомин. М., 2020. URL: <http://www.consultant.ru/>

⁴ По делу о конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская независимая вещательная корпорация» : постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2003 г. № 14-П. URL: <http://www.consultant.ru/>. См. также: Постановления Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2006 г. № 2-П и от 20 декабря 2011 г. № 29-П.

⁵ См.: *Максимов О. А.* Сочетание публичного и диспозитивного как условие эффективного функционирования правового института ходатайств и жалоб в уголовном судопроизводстве России // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. URL: <http://www.consultant.ru/>

ства (государственное или частное). Отсутствие в законодательстве единства подходов к уголовно-правовой защите разных форм собственности не в полной мере соответствует ст. 55 Конституции РФ. В связи с этим, как справедливо отмечает Д. В. Кравченко, подобное однозначное правило о публичной защите вступает в противоречие с конституционным принципом равенства всех форм собственности и может создавать правовую неопределенность для самого субъекта публичной защиты⁶.

Особенно это актуально для акционерных обществ, частью акций которых владеет государство. Состав и структура акционеров не является постоянной, а информация о них может носить закрытый характер и быть не известной контрагенту на момент заключения сделки. Кроме того, наличие в составе акционеров общества государства ни в коей мере не влияет ни на статус такого общества в гражданском обороте, ни на совокупность его прав и обязанностей по сделке. В этой части считаем невозможным согласиться с А. В. Гришиным, который считает, что нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования и полагает целесообразным предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации⁷, поскольку, как уже указывалось ранее, у такой коммерческой организации существует самостоятельный экономический интерес. Кроме того, оговорка «об исключении» фактически нивелирует специальный порядок уголовного преследования по такой категории уголовных дел.

С нашей точки зрения, законодатель искусственно и немотивированно разделил хозяйствующие субъекты по форме защиты их прав, вытекающих из факта принадлежности им какого-либо имущества на основании наличия либо отсутствия у них публичного статуса, поставив тем самым в заведомо невыгодное положение частных участников гражданского оборота, которые так или иначе вынуждены иметь хозяйственные связи с предприятиями с государственным участием.

Между тем какие-либо процессуальные основания для такого деления отсутствуют, поскольку любое юридическое лицо, независимо от формы его организации и его собственника, осуществляет свою деятельность в установленном законом порядке посредством своего исполнительного органа, который в рамках представленных ему полномочий обязан принять решение о сделке (более того, для части таких субъектов существует специальный правовой режим для заключения договоров) и о ее правовых последствиях, в том числе о наличии либо отсутствии ущерба.

Таким образом, реализуя специальный правовой режим для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных главой 23 УК РФ, законодатель не разрешил два принципиальных вопроса:

⁶ См.: Кравченко Д. В. Указ. соч.

⁷ См.: Гришин А. В., Гришина М. В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершенных коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Наука и практика. 2016. № 3 (68). С. 41.

1) не определил категорию уголовных дел, перечисленных в главе 23 УК РФ в части вида уголовного преследования;

2) не дал правового толкования термину «согласие на возбуждение уголовного дела», не определил его статуса, а также не включил его в п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

Законодатель также выявил проблему отсутствия равенства уголовно-правовой защиты разных форм собственности и дискриминацию интересов частных субъектов экономического оборота при защите интересов прав публичных субъектов.

На наш взгляд, перечисленные проблемы представляют собой лишь часть концептуальной проблемы о поводах, основаниях и формах уголовного преследования предпринимателей, которая требует правовой определенности комплексного межотраслевого решения.

Удмуртский государственный университет

***Машинникова Н. О.**, адвокат НО «Удмуртская республиканская коллегия адвокатов», ассистент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности*

Udmurt State University

***Mashinnikova N. O.**, Assistant of the Department of Criminal Process and Law Enforcement of the Institute of Law, Social Management and Security
E-mail: kafedrauppd@mail.ru*

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПЕРЕДАЧИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ИХ ГРАЖДАНСТВА В ДВУСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Передача осужденных к лишению свободы в государство их гражданства представляет собой одно из направлений межгосударственного сотрудничества. Проводится анализ положений двусторонних международных договоров РФ, на основании которых осуществляется передача осужденных. Определяются базовые условия передачи осужденных из государства вынесения приговора в государство исполнения приговора.

К л ю ч е в ы е с л о в а: передача осужденных, государство вынесения приговора, государство исполнения приговора, двусторонние международные договоры, УПК РФ.

LEGAL REGULATION OF THE TRANSFER OF CONVICTED PERSONS TO IMPRISONMENT FOR SERVING THEIR SENTENCE IN THE STATE OF THEIR CITIZENSHIP IN BILATERAL INTERNATIONAL TREATIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The transfer of persons sentenced to imprisonment to the State of their citizenship is one of the directions of interstate cooperation. The article analyzes the provisions of bilateral international treaties of the Russian Federation, on the basis of which the transfer of convicts is carried out. The basic conditions for the transfer of convicts from the sentencing State to the State of execution of the sentence are determined.

K e y w o r d s: transfer of convicts, the sentencing state, the state of execution of the sentence, bilateral international treaties, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации имеет гуманистический характер, ориентировано на сочетание интересов государства и прав человека. Одним из институтов, в котором обеспечивается баланс публичных интересов государств, связанных с исполнением обвинительного приговора суда в связи с совершенным преступлением, и частных интересов осужденного, является институт передачи осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в государство их гражданства (далее – передача осужденных). На основании ч. 2 ст. 63 Конституции РФ передача осужденных к лишению свободы в другое государство осуществляется на основании федерального закона и международных договоров. Непосредственно вопросам передачи осужденных посвящена глава 55 УПК РФ, предус-

матривающая, что правовыми основаниями передачи лица являются международный договор РФ с соответствующим иностранным государством, а также основанное на принципе взаимности письменное соглашение компетентных органов РФ с компетентными органами иностранного государства о передаче лица¹. Передача осужденных осуществляется как на основании многосторонних, так и двусторонних международных договоров. В силу действия ч. 3 ст. 1 УПК РФ возможные коллизии между нормами УПК РФ и нормами международных договоров о передаче осужденных разрешаются в пользу международных договоров. При этом истолкование двусторонних международных договоров о передаче осужденных, противоречащее Конституции РФ, в принципе исключено в силу того, что согласно их положениям разрешение всех возможных споров, связанных с применением, толкованием положений договоров, осуществляется через переговоры, консультации или дипломатическим путем, без обращения к третьему субъекту.

По смыслу действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и международно-правовых норм передача осужденных представляет собой основанную на нормах международных договоров, внутригосударственного законодательства правовую связь между государством вынесении приговора и государством исполнения приговора, выражающуюся в их взаимных правах и обязанностях по перемещению с письменного добровольного согласия осужденного (т. е. лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы по вступившему в силу обвинительному приговору суда²) из государства вынесения приговора в государство исполнения приговора. При этом только в международном договоре с Китайской Народной Республикой содержится легальная дефиниция понятия «передача осужденного», под которой договор понимает «...перемещение осужденного в Государство исполнения приговора для дальнейшего отбывания наказания, назначенного в Государстве вынесения приговора»³. Глава 55 УПК РФ, как и большинство двусторонних договоров о передаче осужденных, связывает передачу лица, осужденного в одном государстве к лишению свободы именно в государство его гражданства. Однако примерно одна треть из заключенных Российской Федерацией двусторонних договоров о передаче осужденных допускает передачу осужденного не только в государство гражданства, но и постоянного места жительства лица⁴. При этом в договоре с Кубой (в подп. «а» п. 1 ст. 3), для того чтобы осужденное в Российской Федерации лицо было передано Кубинской стороне, необходимо не только гражданство Кубы, но и факт постоянного проживания осужденного – гражданина Кубы на территории Кубы, а в Договоре между СССР и Финляндской Республикой о взаимной передаче для

¹ Статья 469 УПК РФ.

² Практически все двусторонние договоры содержат подобного рода дефиницию понятия «осужденный», за исключением договора РФ с Финляндией, хотя из смысла ст. 1 данного договора такое определение также следует.

³ Пункт 6 ст. 1 Договора между Российской Федерацией и КНР.

⁴ См., например: Положения двусторонних договоров о передаче осужденных, заключенных Российской Федерацией с Азербайджаном (ст. 1), Афганистаном (ст. 2), Испанией (ст. 1), КНДР (п. 1 ст. 3), Кипром (п. 1 ст. 1), Кубой (подп. «а» п. 1 ст. 1, подп. «д» ст. 6), Литвой (ст. 2), Туркменистаном (ст. 1), Эстонией (ст. 2).

отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы, дополнительно оговаривается, что возможность передачи не распространяется на осужденных, являющихся гражданами государства вынесения приговора (п. 3 ст. 1). Передача осужденного именно в государство гражданства (реже – места жительства) продиктована мотивами обеспечения прав человека, целесообразности и эффективности исполнения наказания в государстве, с которым осужденный имеет более тесную правовую связь. Правовая ценность и значение передачи осужденных в государство их гражданства (в случаях специально установленных международным договором в государство постоянного места жительства) для дальнейшего отбывания наказания заложена в преамбулах международных договоров и заключается в том, что данное направление межгосударственного сотрудничества способствует: эффективному достижению целей исправления и перевоспитания правонарушителей⁵, облегчению процесса социальной реабилитации осужденных лиц⁶; облегчению процесса реинтеграции в общество лиц, осужденных к лишению свободы⁷; интересам правосудия и возвращению отбывающих наказание лиц к нормальной жизни в обществе⁸; укреплению сотрудничества в уголовно-правовой сфере и созданию благоприятных условий для возвращения осужденных в общество⁹. Чтобы стала возможной реализация гуманитарного (гуманистического) потенциала передачи осужденных, на государство вынесения приговора двусторонние договоры (за исключением договоров РФ с Азербайджаном и Латвией) налагают обязанность уведомить каждого осужденного, к которому могут быть применены положения соответствующего договора, о возможности их передачи в государство гражданства (или места жительства).

Передача осужденных для отбывания наказания в государстве их гражданства является достаточно сложным процессом, в котором с каждой из сторон задействованы определенные компетентные органы, именно в двусторонних договорах содержится указание на центральные органы государств, которые организуют, координируют процесс передачи осужденного. Двусторонние договоры, заключенные Российской Федерацией до 2005 г. (договоры с Азербайджаном, Грузией, Испанией, Кипр, КНР, Латвией, Литвой, Туркменистаном, Францией, Эстонией) в качестве компетентного органа со стороны России на-

⁵ См.: Договор между СССР и Финляндской Республикой.

⁶ См., например: Положения преамбул двусторонних договоров о передаче осужденных, заключенных Российской Федерацией с Социалистической Республикой Вьетнам, Республикой Индией, КНДР, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Ливанской Республикой, Республикой Южная Осетия, Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка и др.

⁷ См., например: Положения преамбул двусторонних договоров о передаче осужденных, заключенных Российской Федерацией с Республикой Ангола, Латвийской Республикой, Королевством Марокко, Французской Республикой.

⁸ См., например: Положения преамбул двусторонних договоров о передаче осужденных, заключенных Российской Федерацией с Азербайджанской Республикой, Грузией, Исламской Республикой Афганистан, Республикой Испания, Республикой Кипр, Литовской Республикой, Мексиканскими Соединенными Штатами, Туркменистаном, Эстонской Республикой и другими государствами.

⁹ См.: Преамбула Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о передаче осужденных (Пекин, 02.12.2002).

зывают Генеральную прокуратуру РФ (договор с Финляндией – Прокуратуру СССР), с 2005 г. со стороны России, как и большинства из договаривающихся государств, компетентным органом выступают Министерства юстиции сторон¹⁰. Со стороны России в процессе передачи осужденных задействованы помимо Минюста РФ также суд, ФСИН, а также консульские учреждения МИД РФ. Передача осужденного к лишению свободы лица в страну своего гражданства (в некоторых случаях – страну места жительства) производится в соответствии с решением суда по правилам международного договора и нормам уголовно-процессуального законодательства государств, а исполнение приговора в государстве исполнения приговора осуществляется по его законодательству. При этом только в договоре РФ с Финляндией в ст. 8 содержится положение, что государство приговора прекращает приведение в исполнение наказания «при взятии осужденного под стражу органами государства исполнения».

Положения всех двусторонних договоров о передаче осужденных в качестве инициаторов передачи называют государство вынесения приговора, государство исполнения приговора и осужденного. В дополнении к представленному перечню в качестве инициаторов передачи ряд международных договоров называют: 1) близких родственников¹¹; 2) близких родственников, а также законных представителей осужденного¹²; 3) представителей осужденного (законных представителей)¹³. При этом передача осужденного должна базироваться не только на согласии заинтересованных государств, но и самого осужденного, согласие которого на передачу является определяющим, а отсутствие письменного согласия осужденного двусторонние договоры рассматривают в качестве препятствия для передачи лица. Большинство из заключенных двусторонних договоров о передаче осужденных возлагают на государство вынесения приговора обязанность по обеспечению возможности консульскому или иному официальному лицу государства исполнения приговора убедиться, что согласие на передачу или отказ в передаче были даны осужденным добровольно. При этом пять двусторонних договоров содержат иную формулиров-

¹⁰ В двусторонних договорах компетентными органами со стороны государств – сторон России по договорам названы: Генеральная прокуратура (Абхазии, Туркменистана, Латвии); МВД (Индия); Министерство общественной безопасности (Вьетнам, Лаос); Центральный Суд (КНДР); Министерство безопасности и защиты (Намибия); Секретарь Министерства юстиции (Шри-Ланка); Министерство юстиции, вопросов ислама и вакуфа (Бахрейн).

¹¹ См.: Часть 2 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой.

¹² См.: Пункт 2 ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Азербайджаном; п. 2 ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Грузией; п. 2 ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Республикой Кипр; п. 2 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Испанией; п. 2 ст. 4 Договора между Российской Федерацией и КНР; п. 2 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой; п. 2 ст. 2 Договора между Российской Федерацией и Туркменистаном; п. 3 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Эстонией.

¹³ См.: Статья 5 Договора между Российской Федерацией и Республикой Ангола; п. 2 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой; п. 2 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Афганистаном; п. 3 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Египтом; п. 2 ст. 4 Конвенции между Российской Федерацией и Республикой Камерун; п. 2 ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Республикой Куба; п. 2 ст. 5 Договора между Российской Федерацией и Мексиканскими Соединенными Штатами; п. 3 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Нигерией; п. 2 ст. 6 Договора между Российской Федерацией и ОАЭ.

ку. В частности договор РФ с Грузией (п. 3 ст. 5), договор РФ с КНР (п. 2 ст. 8), договор РФ с Мексиканскими Соединенными Штатами (п. 2 ст. 9) и договор РФ с Аргентиной (п. 2 ст. 7) устанавливают, что государство вынесения приговора обеспечивает государству исполнения приговора (принимающему государству) возможность убедиться, удостовериться в добровольности согласия осужденного на передачу и соответствующих правовых последствий. И только два из заключенных двусторонних договоров (с Латвийской Республикой и ОАЭ) не содержат соответствующих обязательств государства вынесения приговора. Обращение с просьбой о передаче осужденного составляется в письменной форме, к которому прилагается предусмотренный международными договорами необходимый пакет документов, в частности: копии приговора и судебных решений о вступлении его в силу; сведения об отбытии части наказания; данные об исполнении дополнительного наказания; тексты статей УК РФ и иностранного государства, по которым осуждено лицо; письменное согласие осужденного, а также передающего и принимающего государства. Компетентный орган государства, в который направлено обращение, уведомляет компетентный орган государства, направившего обращение, о согласии либо отказе на передачу (прием) осужденного. При этом чтобы стала возможной передача осужденного важно соблюдать установленные договорами сроки. Большинство двусторонних договоров¹⁴ устанавливают, что передача может быть осуществлена, если на день получения запроса о передаче часть наказания, подлежащая дальнейшему отбыванию осужденным, составляет не менее шести месяцев, и только в договорах РФ с Вьетнамом, Камеруном, КНР, Кубой, Лаосом, Марокко неотбытая часть наказания должна быть не менее одного года. Тем не менее договоры устанавливают, что в исключительных случаях, если государствам удастся договориться, оставшийся для отбывания срок наказания может быть и меньше установленного в договоре.

В силу того, что в рамках передачи осуществляется перемещение лица, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда, из сферы уголовной, уголовно-исполнительной юрисдикции одного государства в уголовную, уголовно-исполнительную юрисдикцию другого государства значение приобретает ряд юридических гарантий для передаваемого лица, которые предусмотрены в двусторонних договорах РФ о передаче осужденных. Передача осужденного невозможна без взаимного признания приговора и юрисдикции государств, договоры предусматривают, что передача осужденного осуществляется при условии, что деяние, совершенное осужденным, является преступлением как по законодательству государства вынесения приговора, так и по законодательству государства исполнения приговора. При этом в силу действия принципа *non bis in idem* осужденный, переданный для отбывания наказания, не может быть вновь привлечен к уголовной ответственности за то же деяние и в государстве исполнения приговора, тем самым исключается повторное уголовное преследование осужденного. Другой гарантией для осужденного является положение договоров о том, что компетентный орган

¹⁴ Исключение составляет договор Российской Федерации с Финляндией, который не содержит положений о минимальной части наказания, которую необходимо отбыть осужденным, чтобы стала возможной его передача в государство гражданства (места жительства).

(как правило – это суд) государства исполнения приговора, решая вопрос об объеме исполнения наказания, руководствуется обвинительным приговором государства его вынесения и определяет такой же срок лишения свободы, как и назначенный по приговору, засчитывая в срок отбывания наказания часть наказания, отбытую осужденным на территории государства вынесения приговора. Но при этом некоторые двусторонние договоры определяют, что «если по законодательству государства исполнения приговора за совершенное преступление максимальный срок лишения свободы меньше назначенного по приговору, суд или иной компетентный орган исполнения приговора, исходя из этого приговора на основании законодательства своего государства, определяет такой же срок лишения свободы, как и назначенный по приговору». Большинство двусторонних договоров РФ о передаче осужденных предусматривают, что и государство вынесения приговора, и государство исполнения приговора могут применять акты амнистии или помилования к переданным осужденным, а договоры РФ с Вьетнамом, Ираном и Лаосом в дополнении к названным актам допускают применение государствами условно-досрочного освобождения. Напротив договор РФ с Финляндией допускает применение государствами актов помилования (об акте амнистии в договоре не говорится), а договоры РФ с Аргентиной и ОАЭ вообще не предусматривают применение названных актов договаривающимися государствами. При этом все договоры содержат положение о том, что только государство вынесения приговора вправе принимать решения по вопросам обжалования или пересмотра приговора. В случае изменения приговора или в случае, когда государство вынесения приговора принимает решение, что назначенное им наказание больше не подлежит исполнению, государство исполнения приговора уведомляется государством вынесения приговора о принятом решении и прекращает исполнение наказания, если оно отменено государством приговора.

Заключенные международные договоры о передаче осужденных не закрепляют безусловную обязанность договаривающихся государств на удовлетворение запроса о передаче осужденного. Поэтому в договорах имеется либо отдельная статья¹⁵, содержащая основания отказа в передаче осужденного, либо фиксируются условия, на основании которых осуществляется или не осуществляется передача осужденного. Как правило, договоры устанавливают, что осужденный может быть передан при соблюдении следующих условий: осужденный имеет гражданство государства исполнения приговора (или места жительства – в некоторых договорах); обвинительный приговор вступил в силу и является окончательным; имеется согласие осужденного, государства вынесения приговора и государства исполнения приговора на передачу; преступление, за которое назначено наказание, признается преступлением по за-

¹⁵ См.: Статья 3 Договора между Российской Федерацией и Азербайджаном; ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Афганистаном; ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Грузией; ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Египтом; ст. 7 Договора между Российской Федерацией и Камеруном; ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Кипром; ст. 6 Договора между Российской Федерацией и КНР; ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Литвой; ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Туркменистаном; ст. 4 Договора между Российской Федерацией и Эстонией.

конодательству обоих государств; на момент получения запроса о передаче осужденного часть наказания, которое подлежит отбыванию, составляет не менее установленного в договоре срока (не менее 6 месяцев, не менее года)¹⁶. Кроме того, ряд двусторонних международных договоров устанавливают, что в передаче осужденного отказываются в случае, если передача осужденного может нанести ущерб интересам, суверенитету, безопасности государства вынесения приговора, в некоторых договорах – нанесение ущерба публичному порядку вынесения приговора¹⁷, а также если лицо, подлежащее передаче, приговорено к смертной казни¹⁸.

Таким образом, с 2005 г. наблюдается увеличение числа заключаемых Российской Федерацией двусторонних международных договоров по вопросам передачи осужденных, положения которых обладают обратной силой и применяются в отношении лиц, осужденных как до, так и после вступления договоров в силу. В настоящее время насчитывается более 30 таких договоров¹⁹, на основании которых осуществляется детальная, по сравнению с предписаниями УПК РФ, правовая регламентация отношений, связанных с передачей осужденных.

¹⁶ См., например: Статья 6 Договора между Российской Федерацией и Аргентиной; ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Бахрейном; ст. 8 Договора между Российской Федерацией и Мексикой; ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Кубой и др.

¹⁷ См.: Подп. «а» п. 2 ст. 7 Договора между Российской Федерацией и Анголой; подп. 3 ст. 7 Конвенции между Российской Федерацией и Камеруном; подп. «а» п. 2 ст. 7 Конвенции между Российской Федерацией и Марокко; подп. «а» п. 2 ст. 3 Соглашения между Российской Федерацией и Ливаном; подп. 1 п. 2 ст. 3 Конвенции между Российской Федерацией и Францией.

¹⁸ См.: Подп. «d» ст. 6 Договора между Российской Федерацией и Аргентиной; подп. 4 п. 2 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Индией; подп. 4 п. 1 ст. 6 Договора между Российской Федерацией и КНР; подп. «b» п. 1 ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Кубой.

¹⁹ Из заключенных Российской Федерацией двусторонних международных договоров о передаче осужденных к лишению свободы не вступили в силу договоры с Грузией, Ираном, Литвой, Намибией, ОАЭ, Эстонией.

Удмуртский государственный университет

Решетнева Т. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, доцент кафедры теории и истории государства и права

Udmurt State University

Reshetneva T. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process and Law Enforcement, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department
E-mail: reshetnevat@mail.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ НОРМЫ

Рассматриваются вопросы целесообразности, обоснованности и эффективности нормы и критерия криминализации о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления в действующей редакции Уголовного кодекса РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: безопасность семьи и несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, интересы семьи и несовершеннолетних, преступления против семьи и несовершеннолетних, способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления.

INVOLVING A MINOR IN COMMITTING A CRIME: SEARCHING FOR THE OPTIMUM REGULATION

The issues of expediency, validity and effectiveness of the norm and criterion of criminalization on the involvement of a minor in the commission of a crime in the current version of the Criminal Code of the Russian Federation are considered.

К е у о р д s: safety of the family and minors; involvement of a minor in the commission of a crime, interests of the family and minors, crimes against the family and minors, ways of involving minors in the commission of a crime.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Статья о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления открывает главу 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Казалось бы, ни у кого не должно вызывать сомнений, что уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 150 УК РФ, обусловлен объективными потребностями общества в уголовно-правовой охране интересов семьи и несовершеннолетних. Тем не менее это не так. Для некоторых авторов целесообразность названного состава преступления не до конца очевидна. Так, по мнению А. И. Кокунова, состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ, затрудняет процесс правоприменения, поскольку дублирует положения таких уголовно-правовых институтов, как неоконченное преступление и соучастие¹. Цель усиления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, считает он, должна достигаться с помощью совершенствования института назначения наказания, а именно признанием вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления обстоятельством, отягчающим наказание и установлением специального правила: при наличии соответствующего отягчающего обстоятельства срок или размер наказания не может быть менее двух третей максимального срока наиболее строгого вида

¹ См.: Кокунов А. И. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления : целесообразность законодательной конструкции // Приволжский научный вестник. 2015. № 8 (48). С. 41–43.

наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ². Как будет называться это правило или к какому правилу назначения наказания оно относится, или какая у него правовая природа, на эти вопросы ответов в работе нет. Полагаем, что их и не может быть.

Весь ход развития уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных главой 20 УК РФ, социально обусловлен историческими, социальными, экономическими и юридико-криминологическими факторами. Предусматривая уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, государство руководствуется интересами развития у детей необходимых физических и нравственных качеств, формирования внутренних мотивов деятельности, выбора варианта поведения в соответствии с требованиями общественной необходимости, сознательного отношения к общественному интересу, личной ответственности, добровольного соблюдения сложившихся социальных норм в обществе. Другими словами, обеспечения процесса социализации детей, надлежащей передачи социального опыта, традиций, усвоения ими базовых ценностей, позволяющих взаимодействовать им в качестве полноправных членов общества³. Осуществление столь важной функции возложено, в первую очередь, на семью. Справедливы слова В. М. Кормищикова: «...какие бы радикальные преобразования в деле воспитания подрастающего поколения ни происходили в обществе, какое бы место ни занимали в решении этой проблемы самые развитые общественные и государственные институты, семья была, есть и будет ведущим и неизменным фактором социализации личности»⁴.

Состояние защищенности семьи и детей является показателем национальной безопасности государства. Не случайно Закон РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵ уделил большое внимание вопросам семейной политики, где центральное место отводится интересам несовершеннолетних детей. В соответствии с внесенными в Конституцию РФ названным законом изменениями дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ)⁶. В базовом документе стратегического планирования – в Стратегии национальной без-

² См.: Там же. С. 43.

³ См.: Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних : учеб. пособие. Ижевск, 2006. С. 62.

⁴ Кормишков В. М. Криминология семейного неблагополучия. Пермь, 1987. С. 7.

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/3d0cac60971a511280cbbba229d9b6329c07731f7/#dst100007

⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/

опасности Российской Федерации, укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян, развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству, названы в числе задач защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти⁷. Ярким свидетельством особой заинтересованности нашего государства в охране семьи и несовершеннолетних являются: Федеральный закон № 120-ФЗ от 24.06.1999 (в ред. 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»⁸; Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 (в ред. 01.07.2021) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁹; Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (в ред. 30.12.2021) «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰; Указ Президента РФ № 761 от 01.06.2012 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»¹¹; Указ Президента РФ № 240 от 29.05.2017 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»¹²; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 г.¹³; Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁴ Это далеко неполный перечень документов признания государством ценности семьи, ее функций в общественном развитии, формировании отдельной личности, важности воспитания подрастающего поколения. В связи с этим едва ли решение столь важных задач можно реализовать, используя лишь уголовно-правовые средства пенализации, минуя процесс криминализации. В этом процессе (при формулировании уголовно-правовой нормы) первое и основное требование заключается в безошибочном использовании законодателем именно того критерия криминализации, который позволяет признать ее принятие целесообразной и обоснованной, а эффективность ее действия – достаточно высокой¹⁵. Разберемся, является ли уголовно-правовая норма ст. 150 УК РФ оптимальной, способной обеспечить безопасность субъектов (объектов) уголовно-правовой охраны этой главы. В этих целях проанализируем, нет ли издержек криминализации, способных привести в одинаковой степени к двум негативным последствиям: недоста-

⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

⁸ URL: <https://base.garant.ru/12116087/>

⁹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/

¹⁰ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

¹¹ URL: <https://base.garant.ru/70183566/>

¹² URL: <https://base.garant.ru/71684480/>

¹³ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. URL: <https://base.garant.ru/70727660/>

¹⁴ Об утверждении Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р. URL: <https://base.garant.ru/71057260/>

¹⁵ См.: *Коробеев А. И.* Советская уголовно-правовая политика : проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 67.

точности уголовной наказуемости либо ее переизбытку¹⁶. Для этого представим следующую ситуацию. Так, неоднократно осужденный Х. во дворе дома по месту своего проживания рассказывал подросткам о своем преступном прошлом, говорил, что только в местах лишения свободы можно приобрести качества настоящего мужчины. Х. уверял подростков, что совершать преступления легко, нужна лишь отвага. Ничего не требуя взамен от подростков, Х. показывал им, как пользоваться отмычками, выставлять бесшумно стекла, учил, как нужно вести себя на следствии и в суде. По прошествии некоторого времени подростки, общавшиеся с Х., были задержаны при попытке похитить из магазина спиртные напитки и другие товары.

Итак, термин «вовлечение», используемый законодателем в качестве признака, характеризующего объективную сторону названного преступления, в науке и в правоприменительной практике всегда был спорным. Разъяснения высшей судебной инстанции страны (а их было не мало) не решали этой проблемы. Действующее, причем уже известное правоприменительной практике, разъяснение тоже не является исключением, и дело не только в терминологических, как выразился Ю. Е. Пудовочкин, претензиях, хотя и это важно. О каком желании (свободном волеизъявлении), отмечает он, можно говорить в ситуации участия несовершеннолетним в преступлении под принуждением¹⁷? Однако основное критическое замечание Ю. Е. Пудовочкина касается того, что данное Пленумом Верховного Суда РФ определение «вовлечение в совершение преступления» сужает объем этого термина, в частности непригодно для случаев склонения несовершеннолетнего к преступному образу жизни¹⁸. Он пишет: «Если такая психологическая обработка подростка не предполагает склонения его к совершению конкретного преступления, не вызывает желания совершить это преступление, то, согласно разъяснению Пленума, взрослого нельзя привлечь к ответственности за преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ»¹⁹. Действительно, с одной стороны, критикуемое определение трудно отнести к числу универсальных, всеобъемлющих определений, охватывающих все возможные действия по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления. С другой стороны, формулировка «...действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление», несмотря на недочеты и двусмысленность, является характеристикой действия, а не результата, согласующаяся с другим разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому, если последствие, предусмотренное диспозицией данной нормы не наступило по независящим от виновного обстоятельствам, то его действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 УК РФ и по ст. 150 УК РФ²⁰.

¹⁶ См.: Там же. С. 51.

¹⁷ См.: Пудовочкин Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления : новые решения и новые проблемы // Пенитенциарная наука. 2012. № 19. С. 5. См. также: Сперанский К. К. Уголовно-правовая борьба с преступлениями несовершеннолетних и против несовершеннолетних. Ростов н/Д., 1991. С. 84 ; Заливадная Е., Сперанский К. Уточнить статью об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 57.

¹⁸ См.: Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч.

¹⁹ Там же.

²⁰ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенно-

Кроме того, указанное определение дано в тех пределах, которые установил именно законодатель, т. е. в ст. 150 УК говорится о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, а не о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность, как это было, например, в УК РСФСР 1960 г., что вызывало другие вопросы, но, по сути, способно было охватить случай неконкретизированного вовлечения, описанного нами выше.

Другие спорные вопросы по применению ст. 210 УК РСФСР возникали из-за лексического значения слова «деятельность», предполагающего, по мнению некоторых авторов, квалификацию по этой статье лишь в случаях неоднократного совершения преступлений несовершеннолетним²¹. Авторы, придерживающиеся противоположной точки зрения, считали, что признак «преступная деятельность» не означает совершение нескольких однородных актов. Этот термин, отмечал А. Н. Игнатов, используется законодателем в смысле многообразия форм участия несовершеннолетних в преступлениях (исполнитель, соучастник, укрыватель)²². В соответствии с заданным подходом последовательны предложения А. Н. Игнатова по вопросу квалификации неконкретизированного вовлечения, т. е. когда вовлечение в преступную деятельность носит неконкретизированный характер (возбуждение у несовершеннолетнего преступных намерений, привитие ему антиобщественных взглядов), виновный должен нести ответственность только по ст. 210 УК РСФСР²³.

Подход А. Н. Игнатова также своевременен с той точки зрения, что противостоит позиции современных авторов, рассматривающих «вовлечение» через соучастие. «Вовлечение, – пишут М. Н. Голоднюк и Э. Б. Лазарев, – является формой уголовно наказуемого подстрекательства, которое законодатель счел необходимым выделить в отдельный состав преступления, придав ему самостоятельное уголовно-правовое значение»²⁴. Они предлагают заменить признак «вовлечение» на «подстрекательство» и переименовать ст. 150 УК как «Подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления»²⁵. Подчеркнем, что принятые в 1959–1961 гг. республиканские уголовные кодексы, изменившие признаки рассматриваемого нами состава преступления, научной общественностью того времени оценивались как прогрессивные по той

сти уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 28.10.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

²¹ См.: Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1964. С. 76 ; Уголовное право. Часть Особенная. М., 1966. С. 493.

²² См.: Игнатов А. Н. Уголовный закон охраняет права несовершеннолетних. М., 1971. С. 63. См. также: Загородников Н. И., Худяков Е. А. В защиту подростков // Советская милиция. 1966. № 12. С. 14 ; Орлов В. С. Ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступления и антиобщественные поступки // Вестник МГУ. Серия: Право. 1968. № 5. С. 33 ; Трофимов Н. И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних. Иркутск, 1973. С. 163–164.

²³ См.: Игнатов А. Н. Указ. соч. С. 64.

²⁴ Голоднюк М. Н., Лазарев Э. Б. Дискуссионные вопросы понятия «вовлечение» как конструктивного признака ст. 150 УК РФ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2009. № 6. С. 59. См. также: Чучаев А. И., Палий В. В. Вовлечение в совершение преступления : спорные вопросы практики // Российский следователь. 2006. № 9.

²⁵ Голоднюк М. Н., Лазарев Э. Б. Указ. соч.

причине, что вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность по смыслу шире подстрекательства и привлечения подростка к совершению преступления²⁶. Ясно это и названным авторам. Это видно из тех правил квалификации, которые ими предлагаются. Так, в случаях если взрослый подстрекает несовершеннолетнего, способного нести уголовную ответственность, к совершению конкретного преступления, и оно совершается несовершеннолетним совместно со взрослым, то, по мнению М. Н. Голоднюк и Э. Б. Лазарева, действия взрослого как соисполнителя преступления квалифицируются за совершение деяния группой лиц или группой лиц по предварительному сговору (если такой признак имеется), а ст. 150 УК РФ, предусматривающая повышенную ответственность взрослых за подстрекательство несовершеннолетних, в указанном случае применяться не будет²⁷. По мнению этих авторов, она не будет применяться и в случаях подстрекательства взрослым несовершеннолетнего, который в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости не является субъектом преступления, поскольку взрослый в такой ситуации выполняет роль исполнителя преступления²⁸.

Любопытно, что М. Н. Голоднюк и Э. Б. Лазареву самим понятно, что отождествление вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с подстрекательством снижает (мы бы сказали, сводит на нет) «...эффективность уголовно-правового воздействия рассматриваемой нормы». Одновременно с этим они считают, что подобные изменения ст. 150 УК РФ оправданы, поскольку снимают разночтения в толковании понятия «вовлечение», имеющиеся в научной литературе и в правоприменительной практике. Мы же думаем иначе. У органов, применяющих ст. 150 УК РФ, возникают сложности не столько с оценкой признака «вовлечение», сколько с другим признаком объективной стороны – способом совершения этого преступления.

Проведенный нами анализ обзоров судебной практики по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления показал, что отказ государственного обвинителя от обвинения по ст. 150 УК либо вынесение судами оправдательных приговоров в отношении подсудимых, обвиняемых органами предварительного расследования в совершении этого преступления, а также признание вышестоящей судебной инстанцией неправильным применение уголовного закона нижестоящим судом в конкретном деле, связаны в основном с отсутствием установленных (выясненных) способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления²⁹. Особенно обращает на себя внимание, что вышестоящие суды признают ошибочной квалификацию по ст. 150 УК РФ тех судов, чьи обвинительные приговоры содержат лишь указание на предложение взрослого лица несовершеннолетнему совершить пре-

²⁶ См.: Трофимов Н. И. Уголовно-правовая охрана духовного и физического развития несовершеннолетних. Иркутск, 1973. С. 153.

²⁷ См.: Голоднюк М. Н., Лазарев Э. Б. Указ. соч. С. 60.

²⁸ См.: Там же.

²⁹ См.: Обзор судебной практики по делам о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ), рассмотренных мировыми судьями, районными (городскими) судами Кемеровской области за период 2003–2004 гг. URL: http://oblsud.kmr.sudrf.ru/modules.php?id=48&name=docum_sud;

ступление и его согласие. Например, в обзоре судебной практики, подготовленном судебной коллегией Кемеровского областного суда, отмечается, что предложение совершить преступление само по себе не представляет иной способ вовлечения, оно должно быть подкреплено какими-либо способами психического или физического воздействия на несовершеннолетнего (уговоры, обещание выгоды, убеждение в безнаказанности деяния и т. п.)³⁰. Аналогичная позиция содержится в обобщении судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 150 УК Волгоградского областного суда, где указано: в случаях, когда предложение совершить преступление не подкреплялось каким-либо способом воздействия на несовершеннолетнего ни до, ни после самого предложения, в действиях лица не усматриваются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ³¹. Такую позицию можно было бы объяснить тем, что по времени она предшествует разъяснениям Верховного Суда РФ, которые были даны значительно позже. Однако в обобщении судебной практики рассмотрения судами и мировыми судьями Республики Татарстан уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних в 2013 г., подготовленном Верховным Судом Республики Татарстан, к случаям необоснованного предъявления обвинения органами предварительного расследования по ст. 150 УК РФ (ввиду отсутствия в действиях состава преступления) отнесены и те случаи, когда от взрослого лица имелось лишь предложение несовершеннолетнему совершить преступление³². Основана ли судебная позиция на законе? Разумеется, да. Выбор законодателем в качестве критерия криминализации способа совершения преступления означает, что деяние является преступным лишь при условии его совершения указанным в законе способом³³.

Отличительная черта способа совершения преступления заключается в том, что он, по сути, присущ любому действию (бездействию), является постоянным признаком, поэтому имеющим место в любом преступлении. Причем в рассматриваемом нами преступлении связь действия (вовлечения) и способа является до такой степени тесной, что способ совпадает с самим действием или в точности до наоборот. Это утверждение соответствует разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ. В п. 42 постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 указано: *действия* взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и форме предложения совершить преступление, разжигание чувства зависти, мести и иных действий³⁴. В этом контексте в составе ч. 1 ст. 150

³⁰ См.: Обзор судебной практики... судами Кемеровской области...

³¹ См.: Обобщение судебной практики о рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 150 УК РФ, в первом полугодии 2012 года – Волгоградский областной суд. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=814

³² См.: Обобщение судебной практики рассмотрения судами уголовных дел по преступлениям против семьи и несовершеннолетних (статьи 150–157 УК РФ). URL: http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=182

³³ См.: Решетникова Г. А. Указ. соч. С. 82.

³⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 28.10.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/

УК РФ способ является важнейшей характеристикой действия, свидетельствующей о качественном его своеобразии. По нему уточняется, конкретизируется общественно опасное деяние, выясняются объективные и субъективные признаки этого преступления³⁵. Способ, являясь факультативным признаком с точки зрения общего состава преступления, при его избрании законодателем для создания уголовно-правовой нормы приобретает обязательное значение и, как правило, для того, чтобы отразить в ней обстоятельства, влияющие на степень общественной опасности конкретного преступления (или специфику его характера)³⁶.

С этих позиций сомнительно, что способ, названный в ч. 1 ст. 150 УК РФ существенно повышает общественную опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или определяет его социальные свойства и тем самым позволяет решить задачу норм главы 20 УК РФ по обеспечению состояния защищенности (безопасности) субъектов (объектов) уголовно-правовой охраны. Понятно, что отраженные в законе типичные способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, в первую очередь, удобны для правоприменителя, но учитывая сущность объекта рассматриваемого преступления (надлежащая передача социального опыта), целесообразна ли их формализация? Думается, что нецелесообразна.

³⁵ См.: Решетникова Г. А. Указ. соч. С. 83.

³⁶ См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рапога. М., 2007. С. 116–117.

Удмуртский государственный университет

Решетникова Г. А., кандидат юридических наук, доцент

Udmurt State University

Reshetnikova G. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: kafedrauppd@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время актуализировались попытки внести изменения в законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре. Одним из последних примеров такой активности выступил проект Министерства юстиции РФ от 02.12.2021 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Ряд предлагаемых изменений вызывает серьезные опасения, ввиду потенциального нарушения базовых принципов функционирования адвокатуры как самостоятельного института гражданского общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принцип независимости, адвокатура, дисциплинарное производство.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF THE INDEPENDENCE OF THE LEGAL PROFESSION AT THE PRESENT STAGE

Attempts to amend legislation on advocacy and advocacy have now been updated. One of the last examples of such activity was the draft of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 02.12.2021 "On Amending the Federal Law" On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation. "A number of proposed changes raise serious concerns, in view of the potential violation of the basic principles of the functioning of the bar as an independent institution of civil society.

K e y w o r d s: the principle of independence, the bar, disciplinary proceedings.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Правоприменитель при квалификации правоотношений и разрешении споров о праве нередко исходит из позиции отсутствия абсолютности того или иного права. Правовая неопределенность и конкретные волнения в общественной среде создают ситуации, при которых либо правоприменитель, либо законодатель сужают пределы действия правовых принципов и презумпций, имеющих устойчивое понимание в профессиональной среде. Одним из таких примеров выступает внесенный Министерством юстиции РФ в Государственную Думу проект федерального закона от 2 декабря 2021 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹. В независимости от судьбы данного законопроекта предлагаемые в нем поправки в профильный закон указывают на опасное понимание пределов действия принципов самостоятельности и независимости адвокатуры, что может найти свое дальнейшее развитие и в других проектах подобных изменений. Следует отметить, что действующее законодательство не содержит механизмов, препятствующих повторному внесению таких предложений на обсуждение в законодательный орган власти.

¹ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123062>

© Стародумов С. В., 2022

В наибольшей степени данная позиция относится к изменениям, связанным с возможностью наделения органа юстиции правом обжалования в суд решения совета адвокатской палаты, принятого по результатам дисциплинарного разбирательства, инициированного представлением органа юстиции о возбуждении дисциплинарного производства, внесенным по основаниям и в порядке, предусмотренным п. 2 и 7 ст. 17 ФЗ-63.

Предлагаемые поправки в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нарушают баланс правового положения адвокатуры в системе институтов гражданского общества, умаляя принцип независимости организации и деятельности адвокатуры России в целом.

Можно согласиться с позициями А. Д. Бойкова и Т. Г. Дабижы, выдвигающих позиции, согласно которым в настоящее время нет строгой определенности в понимании пределов независимости адвокатской деятельности и адвокатуры, допустимых способах ограничения данной независимости, ее гарантиях. Теория независимости адвокатской деятельности и адвокатуры скорее представлена в виде общих фраз, несистемного приведения нормативных предписаний законов и рекомендаций, направленных на ее обеспечение, привнесено немало популизма и поверхностных суждений².

Принцип независимости адвокатуры включает юридические гарантии, заключающиеся в особом порядке наделения полномочиями адвокатов, определенном в законе. Независимость адвокатуры обеспечивается также целым рядом других гарантий: установленным порядком приостановления и прекращения статуса адвоката; системой органов адвокатского сообщества; неограниченностью срока действия статуса адвоката и другими юридическими гарантиями.

Независимость адвокатуры определяется, прежде всего, самостоятельным определением и регулированием адвокатским сообществом правил профессиональной деятельности и поведения адвокатов и дисциплинарной ответственности за нарушения этих правил.

Ключевым элементом данного принципа являются исключительные полномочия органов адвокатского самоуправления по окончательному разрешению дисциплинарных дел.

В соответствии с изложенным предполагается, что и в случае отмены в судебном порядке решения Совета адвокатской палаты субъекта РФ по результатам дисциплинарного производства суд не вправе предрешать выводы суда о доказанности или недоказанности доводов жалобы (представления), достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществах одних доказательств перед другими, виде и размере наказания, поскольку при повторном рассмотрении дела именно Совет адвокатской палаты обязан решить вопросы о наличии или отсутствии дисциплинарного нарушения у адвоката и о применении меры ответственности исходя из положений КПЭА.

Наделение органа юстиции соответствующими полномочиями фактически придает ему функцию надзора за адвокатурой, вместо регулятивной, что

² См.: *Дабижа Т. Г.* Обеспечение гарантий независимости адвокатской деятельности и адвокатуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017 ; *Бойков А. Д.* Независимость адвокатуры // *Законы России : опыт, анализ, практика.* 2007. № 6. С. 97–98.

в равной степени недопустимо как нарушение принципов организации и деятельности адвокатуры.

Дисциплинарное производство, являясь внутренним делом адвокатуры, не нарушает и не затрагивает материальные права органа юстиции, поскольку правовые последствия наступают только в отношении адвоката, деяние которого стало предметом дисциплинарного производства.

Переоценка выводов решений Советов адвокатских палат по результатам дисциплинарных производств органом юстиции подразумевает неспособность органами адвокатуры формировать законные, обоснованные и справедливые решения по внутренним вопросам адвокатуры, что будет означать утрату ей своей самостоятельности.

Таким образом, подобного рода изменения недопустимы в принципе, как умаляющие базовые принципы демократического государства. Вместе с тем установление правовых пределов независимости адвокатуры в части дисциплинарной ответственности адвокатов требует более сложных механизмов, сочетающих в себе как возможность выражения несогласия с решениями дисциплинарных органов адвокатуры, так и невозможность подмены их функций иными юрисдикционными органами, даже в случае оспаривания соответствующих выводов и результатов их деятельности.

Удмуртский государственный университет

Стародумов С. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Udmurt State University

*Starodumov S. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process and Law Enforcement Department
E-mail: old21@mail.ru*

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ СУДЕБНЫМ САНКЦИОНИРОВАНИЕМ

Аргументируется необходимость отказа от необоснованного усложнения процессуальной формы предварительного следствия, обеспечения реальной процессуальной самостоятельности следователя, осуществляющего производство по уголовному делу. Предлагается вернуть санкционирование в полномочия прокурора, отказавшись от судебного санкционирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следователь, права, интересы, закон, эффективность, нарушение, защиты, гарантии, изменения, форма.

RESTRICTION OF THE PROCEDURAL AUTONOMY OF THE INVESTIGATOR BY JUDICIAL AUTHORIZATION

The article justifies the need to refuse to unreasonably complicate the procedural form of the preliminary investigation, to ensure the real procedural independence of the investigator conducting the criminal case. It is proposed to return authorization to the powers of the prosecutor, refusing judicial authorization.

К e y w o r d s: investigator, rights, interests, law, efficiency, violation, protection, guarantees, changes, form.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Современное уголовно-процессуальное законодательство является своеобразным компромиссом между необходимостью соблюдать права граждан в ходе уголовного процесса и обеспечением его эффективности. Однако на практике возникают проблемы с обеспечением и защиты прав личности, и эффективности уголовного судопроизводства. Расширяя перечень прав сторон, защищающих свои права и законные интересы, и их представителей, законодатель усложняет процессуальную форму, что ведет к увеличению сроков производства по уголовному делу, влияет на возможность эффективного и своевременного производства предварительного расследования и судебного разбирательства. Зависимость следователя от явки защитника для производства следственных действий, необходимость его ожидания ставит под сомнение возможность своевременного производства конкретного следственного действия.

УПК РФ в редакции Федерального закона от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ был постоянным предметом критики как ученых, так и практиков. Перегруженность необходимостью составления отдельных формальных документов не обеспечивала защиту прав участников процесса, а усложняла деятельность следователя, который должен был составлять большое количество документов, не несущих в себе смысловой нагрузки, при этом их отсутствие создавало

возможность оспаривать законность деятельности следователя. На необоснованность усложнения процессуальной формы указывали и ученые: «...значительная часть бумагомарательства в правоприменительной деятельности создана искусственно и не обусловлена реальной потребностью в соблюдении уголовно-процессуальной формы»¹.

О качестве УПК РФ в редакции Федерального закона № 174-ФЗ говорит следующий факт: первые изменения были внесены еще до вступления его в силу, уже 29.05.2002 Федеральным законом № 58-ФЗ. Всего на 01.01.2022 за период чуть менее 20 лет действия в УПК РФ были внесены изменения 283 федеральными законами. Хотя законодатель пытается исправить отдельные положения, но они не имеют системного характера и создают проблемы в процессе правоприменения.

В формальной погоне за правами человека законодатель упустил саму суть уголовного процесса, которую верно выразил еще Я. О. Мотовиловкер: «Что касается границ уголовно-процессуальной деятельности, то они должны определяться тем, что производство по уголовным делам осуществляется ради получения ответа на основной вопрос уголовного процесса: виновно ли привлекаемое к уголовной ответственности лицо в инкриминируемом преступлении и подлежит ли оно уголовному наказанию»².

Главным препятствием качественному производству предварительного расследования необоснованно выступает объемная формализация уголовно-процессуальной формы, характеризующаяся необходимостью соблюдения излишних формальностей, связанных с необходимостью составления большого количества документов, перегружающих деятельность следователя и создающих волокиту. Было бы целесообразнее предусмотреть обязательное участие защитника-адвоката с момента приобретения лицом статуса обвиняемого или подозреваемого, без длительного решения вопроса о его допуске и возникающих в связи с этим вопросов о законности деятельности следователя в отсутствие адвоката-защитника.

Действующая процессуальная форма привела к тому, что обеспечение прав человека привело к обратному эффекту – замедлению производства предварительного расследования, его формализации, как следствие, отсутствию реальной защиты прав подозреваемого и обвиняемого, которые длительно ожидают окончания предварительного и судебного разбирательства, месяцами изучая многотомные дела, в которых более половины материалов составляют документы организационно-распорядительного характера, и небольшая часть является доказательствами, что вступает в противоречие с назначением уголовного судопроизводства.

Гипертрофированное стремление к нормативному урегулированию всех возможных действий должностных лиц уже не приводит к желаемому эффекту – созданию такой модели УПК РФ, при которой неукоснительно соблюдаются

¹ Тарасов А. А. Процессуальная форма и бюрократический формализм : проблема соотношения в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 2. С. 155–161.

² Мотовиловкер Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж, 1984. С. 4.

права и свободы человека и гражданина, в полной мере достигается назначение уголовного судопроизводства, включая разумность сроков производства по уголовному делу, исключение дублирования процессуальных действий, их повторов, не обусловленных необходимостью, и др.³

Создание института судебного санкционирования было направлено на обеспечение прав человека при принятии решения о производстве следственных и процессуальных действий, ограничивающих защищаемые законом права и свободы личности. Если первоначально не возникало вопросов с применением судебного санкционирования, то введение порядка проведения судебного заседания с составлением протокола судебного заседания, в котором должны быть описаны все материалы, представленные для рассмотрения судом ходатайства, приводит к возникновению споров, рассматриваемых в порядке ст. 125 УПК РФ о признании незаконными действий следователя, дознавателя в связи с отсутствием при рассмотрении ходатайства о производстве следственного действия всех документов о движении уголовного дела. Действующий институт судебного санкционирования стал необоснованно громоздким, требующим больших временных и человеческих затрат при подготовке документов следователем, рассмотрении ходатайства, а в последующем возможности оспаривания по формальным основаниям в судебном порядке проведенного процессуального действия, что увеличивает нагрузку на судей.

Традиционно функцию надзора за органами предварительного расследования выполняла прокуратура, которая и в настоящее время осуществляет надзорную деятельность. После выделения из прокуратуры следственных подразделений и создания следственного комитета она стала абсолютно независимым органом по надзору за соблюдением законности, в связи с чем может обеспечивать защиту прав личности при осуществлении санкционирования следственных и процессуальных действий, что соответствует надзорной деятельности в целом.

Судебное санкционирование не просто необоснованно усложняет работу следователей и судей, но ставит суд в сложную ситуацию, учитывая, что согласно принципу состязательности он должен быть отделен от деятельности стороны обвинения и защиты, а фактически, давая разрешение на проведение следственных действий, он осуществляет надзор за деятельностью органов предварительного расследования. В указанном случае речь не идет о контроле, поскольку контролируется самостоятельная деятельность, при судебном санкционировании следователь лишен самостоятельности при принятии решения о производстве следственного действия. Именно суд дает разрешение, соответственно он должен отвечать за законность и обоснованность деятельности следователя, а где же тогда независимость следователя и объективность суда? Введение судебных следователей или следственных судей⁴ не разрешит

³ См.: *Гладышева О. В.* Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий // *Юридический вестник Самарского ун-та.* 2017. Т. 3, № 4. С. 106.

⁴ См.: *Конин В. В., Струкова А. А.* Судебный следователь в российском уголовно-процес-

проблему, поскольку суд будет в указанном случае выступать надзорным органом, что противоречит независимости правосудия.

Представляется логичным возвращение прокурору полномочий по даче разрешения на производство следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих защищаемые законом права и свободы личности. Возвращение прокурору давать санкции на проведение указанных действий, во-первых, соответствует надзорным функциям прокуратуры; во-вторых, обеспечивает независимость следователя; в-третьих, исключает участие суда в надзоре за следственной деятельностью.

Много вопросов возникает при производстве осмотра жилища, поскольку в указанном случае возникает вопрос об ограничении конституционного права на неприкосновенность жилища. Несмотря на наличие ряда общих моментов, тем не менее конституционное и уголовное судопроизводства – это два разных вида судопроизводства, каждый из которых имеет только ему свойственную процессуальную форму, обусловленную природой судопроизводства, его назначением и местом в системе осуществления судебной власти и правосудия в Российской Федерации⁵.

Главное с точки зрения практики уголовного процесса обеспечить возможность производства следственных действий в жилище. В части первой ст. 12 УПК РФ, регулирующей принцип неприкосновенности жилища, предусмотрено, что «...осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения». Однако законодатель не уточняет, кого следует рассматривать под лицами, проживающими в жилище, что приводит к оспариванию законности деятельности следователя в отдельных конкретных ситуациях. Следует ли получать согласие владельца жилища либо достаточно согласия лиц, которые в нем прописаны или зарегистрированы. Если лицо постоянно проживает в жилище без прописки, вправе ли оно давать согласие. Как поступить, если согласие дает только одно лицо в отсутствие иных проживающих лиц, чьи комнаты также подлежат осмотру, каков механизм получения и фиксации согласия и т. д.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165

суальном праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1745–1749; Мядзелец О. А. Следственный судья в уголовном процессе России : за и против // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 39–41; Деришев Ю. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. 2004. № 3. С. 79–80; Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? // Lex Russica. 2017. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.133.12.200-213>; Коржев С. В. Практика прокурорского надзора за обеспечением прав участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии // 300 лет на страже законности, защиты прав и свобод человека и гражданина : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной юбилею прокуратуры РФ. Ижевск, 2021. С. 11–124; и др.

⁵ См.: Кудрявцев В. Л. Конституционное и уголовное судопроизводства : диалектика существования и совершенствования // Сборник статей по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. «Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства» (22 марта 2013 г.). СПб., 2013. С. 84.

УПК РФ)» разъяснил ряд вопросов, в частности в п. 8 ч. 2 указал, что при производстве осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра⁶. То есть даже если из десяти человек только один будет против, то осмотр без судебного согласия проводить нельзя. Каким образом следователь может собрать всех проживающих лиц в жилище для выяснения вопроса о том, можно ли провести осмотр? Если предположить, что он их собрал, а кто-то возразил, то следователь должен ехать за судебным постановлением. Вряд ли стоит использовать указанный порядок, который приводит к волоките, возможности устранения доказательств и утечке информации. Целесообразнее было бы указать на недопустимость осмотра жилища без судебного постановления, предусмотрев, что исключением осмотра жилища без судебного постановления является ситуация, когда жилище является местом происшествия, в связи с чем его осмотр должен быть проведен незамедлительно.

Обоснованное возражение в этой части вызывает позиция Конституционного Суда РФ, нашедшая свое отражение в части второй определения от 24 декабря 2013 г. № 2027-О, где отмечается, что «...часть пятая ст. 177 УПК РФ прямо предусматривает, что осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, а если проживающие в жилище лица возражают против осмотра, то следователь возбуждает перед судом ходатайство о производстве осмотра...»⁷.

При буквальном толковании указанного определения получается, что если местом происшествия является жилище, то в нем нельзя провести осмотр без судебного постановления, если проживающий в нем вероятный преступник против этого возражает. Сразу возникает вопрос, на каких основаниях суд выдаст постановление? Есть сообщение о преступлении, но нет никаких доказательств, только объяснение отдельных лиц. Может ли при этом быть получено согласие? Непонятно, куда должен ехать следователь: на место преступления, которым является жилище, чтобы уговорить лиц, в нем проживающих, дать согласие на его осмотр, либо провести осмотр без согласия лиц, проживающих в жилище, и судебного постановления; либо ехать в суд за постановлением суда, но при отсутствии материалов, которые суд должен положить в обоснование вынесения своего постановления, ехать за разрешением на производство осмотра нецелесообразно. Здесь же следует отметить, что суд должен провести судебное заседание при рассмотрении ходатайства следователя о даче разрешения на производство осмотра в жилище. Соблюдение указанного порядка, обеспечив своевременность производства рассматриваемого следственного действия, практически невозможно. Осмотр жилища – места происшествия – должен проводиться следователем без чьих-либо разрешений.

⁶ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Левченко Евгения Константиновича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 165, статьими 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 2027-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следователь несет персональную ответственность за качество расследования и ему следует предоставить возможность его осуществления, а не создавать препятствие. Судебное санкционирование создает препятствия для своевременного производства следственных действий, может привести к утрате доказательств. Следователь заинтересован в установлении фактических обстоятельств по уголовному делу, несет за это персональную ответственность. Ставить под сомнение законность его деятельности представляется некорректным. Проблема кадров в следственных подразделениях не может являться основанием для неоправданной формализации процесса, которая не обеспечивает качество расследования, а приводит к волоките и невозможности своевременного как досудебного, так и судебного производства.

Удмуртский государственный университет

Татьянин Д. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Udmurt State University

Tatyanin D. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Process and Law Enforcement Department
E-mail: rok25-12@mail.ru

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Проведен анализ понятия заочного производства. Раскрыта история развития исследуемого института. Сделан вывод о самостоятельности заочного порядка рассмотрения уголовного дела и отличие его от иных видов рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого. Определено место заочного порядка в системе уголовно-процессуальных производств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: подсудимый, гарантии, заочный порядок, рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, дифференциация уголовного судопроизводства.

ON THE LEGAL NATURE OF THE PROCEEDINGS IN ABSENTIA IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

The article analyzes the concept of extramural production. The history of the development of the investigated institution is revealed. The conclusion is made about the independence of the absentee procedure for considering a criminal case and its difference from other types of consideration of a criminal case in the absence of the defendant. The place of the correspondence order in the system of criminal procedural proceedings has been determined.

К e y w o r d s: defendant, guarantees, order in absentia, consideration of a criminal case in the absence of the defendant, differentiation of criminal proceedings.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Право участия подсудимого в судебном разбирательстве является одним из ключевых в статусе обвиняемого и закреплено во всех базовых международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 10), Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 3 ст. 14), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ч. 1 ст. 6) и др.

Так, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод провозглашает: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Данное утверждение закрепляет общее правило обязательного участия подсудимого в судебном разбирательстве. В ч. 2 ст. 123 Конституции Российской Федерации говорится о том, что «заочное разбирательство уголовных дел в судах запрещено, кроме случаев, предусмотренных законодательством».

В УПК РФ такие исключения, когда рассмотрение уголовного дела допускается в отсутствие подсудимого, оговорены. Законодатель, определяя их, руководствовался назначением уголовного судопроизводства: необходимостью сочетать публичные и частные интересы, законные интересы участников уголовного судопроизводства.

В некоторых странах (Франция, Бельгия и др.) заочное рассмотрение уголовного дела применяется достаточно широко, в других же оно невозможно или допускается в крайних случаях, так как нарушает принцип состязательности, предполагающий наличие сторон в зале суда¹.

Заочный порядок рассмотрения уголовного дела для российского уголовно-процессуального права известен с XIX в. Впервые он нашел свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.² В УПК РСФСР 1923 г. расширилась возможность проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, без участия подсудимого его проведение допускалось по всем категориям преступлений, за исключением таких, по которым назначено наказание в виде лишения свободы. Позже эти нормы были исключены³. Советское уголовно-процессуальное законодательство предусматривало также возможность заочного судебного разбирательства. Однако разбирательство уголовного дела допускалось в отсутствие подсудимого в исключительных случаях, когда подсудимый находился за пределами СССР и уклонялся от явки в суд; подсудимый ходатайствовал о проведении судебного разбирательства в его отсутствие при совершении им преступления, за которое не предусматривалось назначение наказания в виде лишения свободы.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве исследуемый институт сохранен, однако понятие «заочное производство» отсутствует и не выделено отдельных норм, которые регламентировали бы саму процедуру. При этом сам термин «приговор или определение суда, вынесенные заочно» используется в ч. 7 ст. 247 УПК РФ.

Современный кодекс в отличие от УПК РСФСР 1960 г. допускает проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого по всем категориям преступлений.

В доктрине уголовного процесса высказаны различные подходы к пониманию природы и основаниям заочного производства по уголовному делу. Одни считают, что требуется предельное сужение оснований для проведения судебного разбирательства без участия подсудимого, другие же утверждают, что в связи с увеличением малозначительных преступлений, а также разыскиваемых лиц эта модель заочного рассмотрения уголовного дела будет все более востребованной⁴.

¹ См.: Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головки. М., 2016.

² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL: constitution.garant.ru

³ Об изменении ст. ст. 346 и 370 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и об отмене раздела 1 главы 26 того же кодекса : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 4 мая 1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 31. Ст. 107.

⁴ См.: *Рустамов Х.* Заочное правосудие : реальность и перспективы // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 41–42 ; *Казаков А. А.* Заочное судебное разбирательство уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009 ; *Ильютченко Н. В.* Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого и заочное рассмотрение уголовных дел : соотношение понятий // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения доктора юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля высшей школы Ю. Д. Лившица (2–3 апреля 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 233–236 ; *Безлепкин Б. Т.* Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

Обращение к толковым словарям позволяет говорить об унифицированном подходе к понятию «заочный», т. е. «осуществляемый вне непосредственного контакта с кем-либо»⁵. Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров под заочным судебным разбирательством понимают рассмотрение судом дела в отсутствие подсудимого⁶. В действующем УПК РФ заложен аналогичный подход.

В уголовно-процессуальной науке термин «заочное производство» отождествляется с судебным разбирательством в отсутствие подсудимого. Так, А. А. Казаков выделяет четыре разновидности заочного разбирательства: «Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 5 ст. 247 УПК РФ); судебное разбирательство по уголовным делам по преступлениям небольшой и средней тяжести (ч. 4 ст. 247 УПК РФ); судебное разбирательство по уголовному делу в отношении умершего лица (п. 4 ч. 1 ст. 24, ч. 2 ст. 414 УПК РФ); судебное разбирательство в отсутствие подсудимого, удаленного из зала судебного заседания в связи с нарушением порядка в нем (ч. 3 ст. 258 УПК РФ)»⁷.

Выделяя указанные разновидности заочного рассмотрения уголовного дела, автор исходит из того, что объединение вышеуказанных разновидностей допускается, поскольку в каждой из них наблюдается в определенном объеме отличие от основополагающих принципов и условий судопроизводства.

Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого и заочное рассмотрение уголовного дела, на наш взгляд, не тождественные понятия, поскольку не всегда отсутствие подсудимого в зале судебного заседания указывает на заочный порядок рассмотрения уголовного дела. Например, случаи удаления подсудимого из зала судебного заседания необходимо расценивать как применение процессуальной санкции за процессуальное нарушение поведения в ходе судебного заседания.

Как верно отмечает Н. В. Ильютченко, необходимо принимать во внимание два следующих критерия, позволяющих отграничить заочное производство по уголовным делам от иных случаев рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого: 1) причины неявки в судебное заседание: к ним следует отнести сознательное уклонение от явки в суд и неявку по причине ненадлежащего информирования; 2) предоставление законом лицу, в отношении которого дело было рассмотрено в отсутствие, права требовать нового очного рассмотрения дела⁸.

Указанные признаки согласуются с международной практикой. Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее толковании Европейским судом по правам человека позволяет рассмотреть уголовное дело в

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2010.

⁶ См.: Тихомиров М. Ю., Тихомирова Л. В. Юридическая энциклопедия / под общ. ред. М. Ю. Тихомирова. 6-е изд., доп. и перераб. М., 2012.

⁷ Казаков А. А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

⁸ См.: Ильютченко Н. В. Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого и заочное рассмотрение уголовных дел : соотношение понятий // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения доктора юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля высшей школы Ю. Д. Лившица (2–3 апреля 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 233–236.

отсутствие обвиняемого, если органы власти предприняли всё возможное для того, чтобы найти его и сообщить о предстоящих слушаниях, и если обвиняемый сохраняет право на полный пересмотр дела (постановления: от 12 февраля 1985 г. по делу «Колоцца (Colozza) против Италии»; от 13 февраля 2001 г. по делу «Кромбах (Krombach) против Франции»; от 30 июля 2009 г. по делу «Ананьев против России»; от 22 мая 2012 г. по делу «Идалов против России»; от 31 января 2017 г. по делу «Вахитов и другие (Vakhitov and others)» и др.)⁹.

Верховный Суд РФ занимает однозначную позицию в части обязательного обеспечения участия подсудимого в уголовном судопроизводстве. Более того, в одном из решений, вынесенном Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ сформулировано положение, согласно которому заочное рассмотрение дела о применении принудительной меры медицинского характера при отсутствии к этому соответствующих причин, связанных с состоянием психического здоровья подсудимого, возможно лишь при наличии оснований, указанных в ч. 4 и 5 ст. 247 УПК РФ¹⁰.

Закладывая в ч. 5 ст. 247 УПК РФ основания для применения заочного производства, законодатель оставил без внимания саму процедуру рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого, что в свою очередь вызывает вопросы о месте производства в уголовно-процессуальном механизме.

В доктрине по исследуемому вопросу ряд авторов относят заочное судебное разбирательство к числу упрощенных производств (Н. В. Масликова, М. Ч. Когамов, Л. А. Ералина¹¹).

Безусловно, особенности заочного рассмотрения уголовного дела есть и заключаются, в первую очередь, по кругу участвующих в деле лиц. Кроме того, заочное разбирательство отличается процедурой рассмотрения дела: подсудимому не разъясняются его права, не осуществляется допрос подсудимого, отсутствует последнее слово подсудимого. Необходимо отметить, что подсудимый отсутствует на протяжении всего судебного разбирательства до вынесения приговора по делу.

При рассмотрении уголовного дела в соответствии с ч. 5 ст. 247 УПК РФ для подсудимого установлены лишь дополнительные гарантии, к которым относятся заявление стороной защиты ходатайства о проведении предварительного слушания (ст. 299 УПК РФ), оглашение показаний подсудимого, которые были им даны в ходе досудебного производства (ст. 276 УПК РФ), а также возможность пересмотра приговора, вынесенного заочно, при устранении обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ (ч. 7 ст. 247 УПК РФ). Приговор не может быть исполнен до тех пор, пока подсудимый не явится на территорию Российской Федерации и (или) не перестанет уклоняться от явки в суд.

Заочное рассмотрение уголовного дела длится не меньше, чем производство по такому же делу, которое рассматривается в общем порядке, так как,

⁹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ URL: <https://www.vsrfr.ru>

¹¹ См.: Масликова Н. В. Заочное рассмотрение дела по УПК РФ в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 года. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1251834>; Когамов М., Ералина Л. Заочный приговор: история вопроса и потребности практики уголовного процесса // Суды и их роль в укреплении государственной независимости: материалы конф. Тураби, 2001. № 3. С. 97–100.

несмотря на проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого, соблюдаются все правила уголовного судопроизводства. Более того, процедура отягощается и необходимостью изменения меры пресечения на более строгую, требуется взаимодействие правоохранительных органов с иностранными коллегами.

Полагаем, что заочный порядок рассмотрения уголовного дела не может быть выделен в качестве самостоятельного производства, поскольку в нем не усматривается уникальность регулируемых посредством норм предполагаемого производства правоотношений. У заочного порядка судебного разбирательства не наблюдается материально-правовая база, объективно требующая отличий в законодательном регулировании, отсутствуют существенные различия по сравнению с обычным порядком производства.

Удмуртский государственный университет

Тензина Е. Ф., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Udmurt State University

*Tensina E. F., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process and Law Enforcement Department
E-mail: kafedrauppd@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ И ПОДСУДНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассмотрены вопросы определения и изменения территориальной подследственности и подсудности на примере уголовных дел о хищениях с использованием электронных средств платежа, в сфере компьютерной информации, с банковского счета и электронных денежных средств. Автор статьи исследует позиции ученых, существующую практику, проводит сравнительный анализ норм УПК РФ и стран постсоветского пространства, регулирующих порядок определения и изменения территориальной подследственности и подсудности, вскрывает недостатки существующей правовой регламентации данных уголовно-правовых институтов в УПК РФ, выдвигает свои предложения по их совершенствованию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мошенничество, кража, подследственность, подсудность, уголовно-процессуальные институты, реформирование, полномочия органа следствия, суда, права участников уголовного процесса.

PROBLEMS OF INVESTIGATION AND JURISDICTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the issues of determining and changing the territorial jurisdiction and jurisdiction on the example of criminal cases of embezzlement using electronic means of payment, in the field of computer information, from a bank account and electronic money. The author of the article examines the positions of scientists, the existing practice, conducts a comparative analysis of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the countries of the post-Soviet space that regulate the procedure for determining and changing territorial investigation and jurisdiction, reveals the shortcomings of the existing legal regulation of these criminal law institutions in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, puts forward his proposals for their improvement.

К е у w o r d s: fraud, theft, investigation, jurisdiction, criminal procedural institutions, reform, powers of the investigative body, the court, the rights of participants in the criminal process.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

В условиях развития информационного общества в Российской Федерации, создания цифровой экономики, повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных с использованием современных цифровых технологий все чаще предметом преступного посягательства становятся деньги на банковских счетах и электронные денежные средства, при этом их хищение осуществляется дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. на деяния против собственности пришлось более половины всех выявленных преступлений. Среди

них наибольшие темпы прироста отмечаются у различного рода мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ) (+30,5 %; 335,6 тыс.). В результате в структуре преступности их доля увеличилась с 12,7 до 16,4 %. Наиболее распространенными стали мошенничества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации, на них пришлось около 70 % всех хищений, совершенных путем обмана или злоупотребления доверием (+73,4 %; 237,1 тыс.). При совершении 25,8 тыс. (+42,4 %) мошенничеств использовались электронные средства платежа. В целом на деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, пришлось одно из четырех регистрируемых преступлений (+73,4 %; 510,4 тыс.). За последние пять лет число таких преступлений увеличилось более чем в 11 раз, а удельный вес в структуре преступности возрос с 1,8 до 25 %. Большинство «киберпреступлений» совершается с использованием сети «Интернет» (300,3 тыс.) или при помощи средств мобильной связи (218,7 тыс.). Увеличилось число краж, совершенных с банковского счета или в отношении электронных денежных средств, их зарегистрировано более 169,5 тыс., за 2019 г. – 93,7 тыс.

Немногом отличается ситуация в предыдущем году. В январе-сентябре 2021 г. выявлено более 1,5 млн криминальных деяний. Каждое третье выявленное в стране преступление совершено путем кражи. Практически каждая четвертая кража совершена с банковского счета или в отношении электронных денежных средств (121,1 тыс.). В числе наиболее подверженных таким преступным посягательствам (в расчете на 100 тыс. населения) оказались жители Удмуртской Республики (144,4 тыс.). В структуре хищений путем обмана или злоупотребления доверием около 72 % занимают мошенничества, совершенные дистанционно с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (179,8 тыс.)¹.

С каждым годом в целях хищения чужого имущества преступники действуют все изощреннее, что следует из обзора отчетности Банка России об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств за три квартала 2021 г., согласно которому наряду с самыми распространенными способами хищения средств с банковских счетов, основанных на психологических методах убеждения, обмана или запугивания по средствам телефонной связи, злоумышленники используют социальные сети, интернет-сайты и публикации, специальные компьютерные вредоносные программы, считывающие устройства, наклейки на пин-пады банкоматов, моделируют ситуации с элементами социальной инженерии².

По мнению авторов проекта федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым Уголовный кодекс РФ дополнен п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, общественную опасность указанных деяний усиливает специфика способа совершения преступления – использование удаленного доступа к банковскому счету при помощи технических средств, позволяющих лицу оставаться анонимным

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/>

² Официальный сайт Банка РФ. URL: <https://cbr.ru/analytics/ib/>

и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к сети «Интернет». При этом способы обхода систем безопасности могут быть рассчитаны на многократное применение, в том числе использоваться для доступа не только к банковским счетам, но и иным охраняемым и особо охраняемым данным³.

Введение в Уголовный кодекс РФ⁴ норм, предусматривающих ответственность за кражу с банковского счета и электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), а также в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) породило не мало дискуссий относительно места окончания указанных преступлений, которое является определяющим при установлении их территориальной подследственности и подсудности. В обоснование своей позиции исследователи опирались на следственную и судебную практику, в том числе складывающуюся в отдельных регионах России. А. Качановский полагал необходимым считать мошенничество окончанным с момента зачисления денежных средств на счета лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного⁵. А. Лукинов предлагал считать таковым место нахождения злоумышленника в момент обмана или введения в заблуждение потерпевшего независимо от места перечисления пострадавшим денежных средств и места зачисления их на счет виновного⁶. С. Фрост, А. Федосов считают место, из которого перечислены денежные средства потерпевшим, так как именно в этом месте для него наступили вредные последствия⁷. А. А. Кузнецов, Е. В. Бондарева рекомендовали предварительное расследование дела о «телефонном» мошенничестве производить по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей⁸. По мнению С. Б. Россинского, А. А. Приходько, в случаях, когда на момент возбуждения уголовного дела фактическое место совершения преступных действий не установлено, предварительное расследование должно проводиться по месту регистрации сообщения о преступлении, так как на момент возбуждения уголовного дела правоохранительный орган не всегда располагает информацией о возможности предполагаемого

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона №186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021). Здесь и далее ссылки на нормативно-правовые акты приведены по справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Качановский А. Квалификация телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 5.

⁶ См.: Лукинов А. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9.

⁷ См.: Фрост С., Федосов А. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных средств платежей // Законность. 2015. № 1.

⁸ См.: Кузнецов А. А., Бондарева Е. В. Правила определения подследственности дел о мошенничествах, совершенных с использованием средств сотовой связи // Уголовный процесс. 2015. № 7.

преступника свободно распоряжаться денежными средствами, поступившими на счет. В последующем уголовное дело может быть передано по подследственности в порядке ч. 5 ст. 152 УПК РФ⁹.

Авторы приведенных научных исследований преследовали цель сформировать единый подход в определении подследственности указанных преступлений, способный обеспечить реализацию конституционных прав граждан на доступ к правосудию в разумный срок, эффективность уголовного преследования и позволяющий избежать необоснованного перенаправления сообщений и уголовных дел в различные регионы.

В итоге точку в данном вопросе поставил Верховный Суд РФ, который в п. 5 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 (в ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а также в п. 25.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснил, что если предметом преступления при мошенничестве и краже являются безналичные денежные средства и электронные денежные средства, то такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Местом окончания такого мошенничества и кражи является место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета.

По общему правилу, установленному ч. 1 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Если преступление было начато в одном месте, а окончено в другом месте, то уголовное дело расследуется по месту окончания преступления (ч. 2 ст. 152 УПК РФ).

Помимо общего правила определения территориальной подследственности уголовных дел, в ч. 2–4.1 и 6 ст. 152 УПК РФ регламентированы специальные правила определения территориальной подследственности уголовного дела, которые допускают производство предварительного расследования и в ином месте, отличающемся от места совершения деяния, содержащего признаки преступления. По мотивированному постановлению руководителя вышестоящего следственного органа уголовное дело может быть передано для производства предварительного расследования в вышестоящий следственный орган с письменным уведомлением прокурора о принятом решении (ч. 6 ст. 152).

Неизменность правил подследственности подтвердил Конституционный Суд РФ, который в своих определениях от 29.09.2020 № 2069-О и 08.07.2021 № 1369-О оценил складывающуюся в последнее время практику как не основанную на законе, когда руководитель вышестоящего следственного органа, руководствуясь п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, изымает уголовное дело у следовате-

⁹ См.: *Россинский С. Б., Приходько А. А.* Как определять территориальную подследственность уголовных дел в сложных случаях // Уголовный процесс. 2016. № 11.

ля из одного подразделения и передает его в другое равнозначное территориальное подразделение для дальнейшего расследования. Из позиции Конституционного Суда РФ следует, что правила изменения территориальной подследственности, установленные ст. 152 УПК РФ, не содержат положений, допускающих злоупотребления полномочиями при использовании этих правил. Руководитель следственного органа вправе передавать дела для предварительного расследования только в случаях, предусмотренных в ч. 2–4.1 и 6 ст. 152 УПК РФ, а руководитель следственного подразделения (отдела) может передавать дела от одного следователя другому исключительно в рамках своего конкретного следственного подразделения. В свою очередь, заинтересованное лицо вправе обжаловать решение о передаче уголовного дела в другой следственный орган в порядке ст. 124, 125 УПК РФ.

Отмечая значимость правовых позиций (решений) Конституционного Суда РФ при осуществлении правоприменительной и правоохранительной деятельности, следует упомянуть еще одно определение от 25 ноября 2020 г. № 2600-О, в котором Конституционным Судом РФ указано, что нормы ст. 38 и 152 УПК РФ закрепляют полномочия следователя возбуждать уголовное дело в пределах его компетенции, определяемой в том числе по общим и специальным правилам территориальной подследственности, а также в не терпящих отлагательства случаях незамедлительно возбуждать уголовное дело, проводить неотложные следственные действия и передавать его по подследственности.

Однако, несмотря на данные положения закона, разъяснения Верховного Суда РФ и позицию Конституционного Суда РФ, на практике установленные правила подследственности не всегда соблюдаются, расследование указанных преступлений производит правоохранительный орган по месту обнаружения преступления либо совершения злоумышленником активных преступных действий (например, по месту хищения банковских карт и мобильных телефонов, используемых для снятия денег со счета при помощи услуги мобильного банка); нахождения банкомата, через который сняты деньги со счета; по месту нахождения торговой организации, где произведена оплата банковской картой потерпевшего и т. п.

Во многом это связано с тем, что подразделение банка или иной организации, в которой потерпевшим открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств, находится на значительном расстоянии (в разных субъектах и округах РФ) от места обнаружения преступления и не совпадает с местом жительства потерпевшего и (или) нахождения большинства свидетелей или подозреваемого (обвиняемого). К тому же большинство банков и кредитных организаций сосредоточено в конкретных федеральных центрах, которые указываются в качестве адреса открытия и ведения счетов клиентов. Все эти обстоятельства существенным образом затрудняют предварительное расследование, создают препятствия для эффективного производства следственных и иных процессуальных действий.

По окончании расследования уголовные дела направляются в суд по месту нахождения правоохранительного органа, производившего расследование. При этом прокуроры, утверждая обвинительные заключения, руководствуются указанием Генерального прокурора РФ от 19 декабря 2011 г. № 433/49 «Об

усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел», возлагающим на них обязанность реагировать на нарушения подследственности.

Реализация закрепленного ст. 47 (ч. 1) Конституции РФ права каждого на законный суд, предполагающего рассмотрение его дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, в уголовном судопроизводстве обеспечивается распределением компетенции между судами общей юрисдикции путем закрепления в уголовно-процессуальном законе правил подсудности, в том числе на основе предметного (родового) и территориального признаков.

Территориальная подсудность уголовных дел неразрывно связана с территориальной подследственностью. Она также определяется с учетом места совершения преступления и других, указанных в законе, обстоятельств (ч. 1–3 и 5.1 ст. 32 УПК РФ). Если не все участники производства по уголовному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного дела (подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ), а также в иных случаях, указанных в ч. 4 ст. 32 и в ст. 35 УПК РФ, территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена.

В силу ч. 1.1, 2, 3 ст. 35 УПК РФ ходатайство об изменении территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, указанным в части первой настоящей статьи, стороны подают в вышестоящий суд через суд, в который поступило уголовное дело.

Изменение территориальной подсудности уголовного дела по основаниям, указанным в ч. 1 ст. 35 УПК РФ, допускается лишь до начала судебного разбирательства.

Вопрос об изменении территориальной подсудности уголовного дела разрешается судьей вышестоящего суда в порядке, установленном ч. 3, 4, 6 ст. 125 УПК РФ, в срок до 10 суток со дня поступления ходатайства.

Допуская возможность изменения территориальной подсудности уголовного дела, федеральный законодатель правомерно исходит из того, что такое не только не умаляет авторитет судебной власти, но и служит достижению публично-правовых целей ее защиты, требующих в определенных случаях передачи конкретного дела из суда, которому оно подсудно в силу закона, в другой суд.

Таким образом, в каждом случае при поступлении территориально неподсудного дела суду приходится выяснять и учитывать волеизъявление подсудного по изменению территориальной подсудности рассмотрения уголовного дела.

С учетом сложившихся реалий в юридической науке справедливо обращается внимание на недостатки процессуальной регламентации института подследственности и подсудности в УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР 1960 г., которым предусматривалась возможность в целях обеспечения наибольшей быстроты, объективности и полноты расследования осуществлять его производство по месту обнаружения преступления, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей. Вопрос о под-

следственности дела решался прокурором по месту, где следствие было начато (ст. 132 УПК РСФСР). Если место совершения преступления определить невозможно, подсудность уголовного дела определялась по месту окончания предварительного следствия или дознания по делу (ст. 41 УПК РСФСР). В случае установления неподсудности уголовного дела суд обладал правом оставить дело в своем производстве, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании (ст. 43 УПК РСФСР). Так, Т. Р. Хутов, И. Е. Боровков считают, что законодатель в УПК РФ необоснованно отказался от возможности расследования дела и последующего его рассмотрения в суде по месту обнаружения преступления (в том числе по месту заявления потерпевшим). Неурегулированность определения правил подследственности и подсудности ими предложено устранить путем внесения в УПК РФ изменений, позволяющих при невозможности установления места совершения преступления, подследственность уголовного дела определять по месту выявления преступления, в том числе по месту нахождения потерпевшего, заявившего о совершении в отношении его преступления, а подсудность по месту окончания предварительного расследования¹⁰. В юридической литературе имеются и другие подходы по устранению неясности и логической несогласованности норм о подсудности. Так, по утверждению А. М. Угрениновой, формирование единой судебной практики рассмотрения отдельных категорий уголовных дел и устранение правовой неопределенности может быть достигнуто путем толкования Верховным Судом РФ положений УПК РФ о подсудности¹¹. Отмечая важность данного мнения, вынуждены с ним не согласиться, поскольку предусмотренные действующим законом основания изменения территориальной подсудности являются исчерпывающими и расширительному толкованию не подлежат. К тому же подобными разъяснениями Верховный Суд РФ предопределил подследственность уголовных дел, которая устанавливается органами расследования и относится к их исключительной компетенции. Однако Верховный Суд РФ может воспользоваться своим правом, предусмотренным п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 02.08.2019) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019), и разъяснить момент окончания преступления во времени и пространстве, что позволит определить территориальную подследственность и подсудность уголовного дела.

Изучение и сравнение уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства, входящих и входивших ранее в Содружество Независимых Государств, позволило выявить различные подходы в определении подследственности и подсудности уголовных дел. Рассматривая правовое регулирование данных институтов, необходимо обратить внимание на Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ (далее – МУПК)¹², согласно которому предварительное следствие проводится в том рай-

¹⁰ См.: Хутов Т. Р., Боровков И. Е. Как определять место хищения криптовалюты // Уголовный процесс. 2021. № 10.

¹¹ См.: Угренинова А. М. Подсудность в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 103–104.

¹² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ : принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участ-

оне, где совершено преступление (ч. 1 ст. 235 МУПК). В целях быстроты и полноты предварительное следствие может проводиться по месту обнаружения преступления, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 2 ст. 235 МУПК). Суду подсудны только дела о преступлениях, которые предполагаются органами уголовного преследования совершенными на его территории (ч. 1 ст. 78 МУПК). Если нарушение правил территориальной подсудности дела будет установлено в судебном разбирательстве, то с согласия сторон суд вправе оставить дело в своем производстве. В случае возражения какой-либо из сторон дело направляется по подсудности (ч. 2 ст. 80 МУПК).

Для определения современных российских приоритетов в реформировании подследственности и подсудности уголовных дел значимым является учет опыта стран постсоветского пространства, который во многом связан с процессами интеграции национального законодательства с международным правом с учетом национальных, идеологических, религиозных особенностей и интересов общества. Основным фактором, определяющим территориальную подследственность и подсудность в уголовно-процессуальном законодательстве стран постсоветского пространства является место совершения деяния, содержащего признаки преступления. Возможность изменения территориальной подсудности связана с согласием всех сторон или подсудимого. Изменение территориальной подследственности и подсудности допускается в исключительных случаях.

В соответствии с положениями УПК Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ)¹³ в целях обеспечения всестороннего, полного, объективного и своевременного осуществления досудебного производства по уголовному делу предварительное расследование может проводиться также по месту обнаружения преступления, месту нахождения подозреваемого или обвиняемого, большинства свидетелей (ст. 216.2 УПК АР). Аналогичные правила определения территориальной подследственности содержатся в ч. 2 ст. 191 УПК Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248¹⁴.

В УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З¹⁵ предусматривается возможность в целях обеспечения наибольшей быстроты, объективности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела производить предварительное расследование по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 2 ст. 184 УПК РБ). Имеются и исключения при определении подсудности. Так, если место совершения преступления определить невозможно или если преступления совершены в разных местах, дела рассматриваются судами по месту окончания предварительного расследования либо по месту совершения одного из преступлений, последнего или же наиболее тяжкого из них (ч. 3 ст. 271 УПК РБ). Дело, по тем или иным основани-

ников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-6 от 17 февраля 1996 г.). URL: <https://online.zakon.kz/>

¹³ URL: <https://online.zakon.kz/>

¹⁴ URL: <https://online.zakon.kz/>

¹⁵ URL: <https://online.zakon.kz/>

ям подсудное одновременно нескольким одноименным судам, рассматривается судом по месту окончания предварительного расследования (ч. 3 ст. 272 УПК РБ).

УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V¹⁶ также в целях быстроты и полноты предусматривает возможность производства досудебного расследования по месту обнаружения уголовного правонарушения, а также по месту нахождения подозреваемого или большинства свидетелей (ч. 2 ст. 188 УПК РК). Интерес представляют положения ч. 3 ст. 314 УПК РК, согласно которым, если место совершения уголовного правонарушения определить невозможно или если уголовные правонарушения совершены в разных местах, дело рассматривается судом по месту окончания расследования. Местом окончания расследования является место составления обвинительного акта или вынесения постановления о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера. В силу положений ст. 317 УПК РК в отдельных случаях в целях наиболее быстрого, всестороннего и объективного рассмотрения дела, в том числе рассматриваемого с участием присяжных заседателей, с согласия подсудимого или по ходатайству участников процесса, оно может быть передано для рассмотрения из одного суда в другой того же уровня (ч. 1). По ходатайству стороны, представлению судьи или председателя суда дело может быть также передано для рассмотрения из одного суда в другой того же уровня, если суд не в состоянии рассмотреть дело в связи с обстоятельствами, препятствующими всем судьям данного суда участвовать в рассмотрении дела, а также в целях обеспечения всестороннего и объективного рассмотрения дела либо когда передача в другой суд связана с реальной угрозой личной безопасности участников судебного процесса (ч. 2). Вопрос о передаче дела разрешается вышестоящим судом, о чем выносится постановление (ч. 3).

УПК Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129¹⁷ допускает производство предварительного следствия по месту обнаружения преступления, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 1 ст. 160 УПК КР). Принципиальными являются положения ч. 3 ст. 273 УПК КР, согласно которым, если место совершения преступления определить невозможно или если преступления совершены в разных местах, дело рассматривается судом по месту окончания досудебного производства.

УПК Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV¹⁸ предусматривает возможность по решению прокурора осуществлять уголовное преследование по месту раскрытия преступления или нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 1 ст. 257 УПК РМ). Если место совершения преступления неизвестно, уголовное преследование осуществляется органом уголовного преследования, в районе деятельности которого было раскрыто преступление или находится место жительства подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 257 УПК РМ). В случае невозможности определения места совершения

¹⁶ URL: <https://online.zakon.kz/>

¹⁷ URL: <https://online.zakon.kz/>

¹⁸ URL: <https://online.zakon.kz/>

преступления дело рассматривается судебной инстанцией, в районе деятельности которой было завершено уголовное преследование (ч. 2 ст. 40 УПК РМ). Высшая судебная палата может распорядиться о передаче уголовного дела из одной судебной инстанции, к компетенции которой оно относится, в другую судебную инстанцию того же уровня в случае, если этим может быть достигнуто более объективное, быстрое и полное рассмотрение дела, а также для обеспечения нормального течения процесса. Передача дела может быть потребована председателем судебной инстанции или одной из сторон процесса (ст. 46 УПК РМ).

По УПК Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г.¹⁹ в целях обеспечения наибольшей оперативности, объективности и полноты предварительное следствие может производиться по месту обнаружения преступления, а также по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого или большинства свидетелей (ч. 2 ст. 162 УПК РТ). Если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе деятельности которого закончено предварительное следствие или дознание по делу (ст. 256 УПК РТ). Представляют интерес положения ч. 2 ст. 258 УПК РТ, согласно которым, если суд, судья установят, что находящееся в его производстве дело подсудно другому такому же суду, вправе оставить дело в своем производстве только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании.

Заслуживает внимания УПК Туркменистана от 18 апреля 2009 г.²⁰ Так, согласно ч. 2 ст. 225 УПК РТ в целях обеспечения наибольшей быстроты, полноты и объективности предварительного следствия оно может производиться по месту обнаружения преступления или по месту наступления его последствий, а также по месту нахождения потерпевшего, обвиняемого или большинства свидетелей. Согласно ч. 1 ст. 64 УПК РТ, если определить место совершения преступления невозможно, то дело подлежит рассмотрению в том суде, на территории деятельности которого закончено дознание или предварительное следствие по делу. В силу ч. 2 ст. 64 УПК РТ суд, установив, что находящееся в его производстве дело подсудно другому такому же суду, вправе оставить дело в своем производстве только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании.

УПК Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХII)²¹ предусматривает возможность производства предварительного следствия по месту возбуждения дела или по месту нахождения подозреваемого либо обвиняемого или большинства свидетелей, если это способствует более быстрому, тщательному, полному, объективному, всестороннему исследованию обстоятельств дела. По распоряжению вышестоящего прокурора или начальника вышестоящего следственного подразделения предварительное следствие может производиться независимо от правил территориальной подсудности (ст. 346 УПК РУ). Если место совершения преступления определить невозможно, дело рассматривается тем

¹⁹ URL: <https://online.zakon.kz/>

²⁰ URL: <https://online.zakon.kz/>

²¹ URL: <https://online.zakon.kz/>

судом, в районе которого окончено предварительное следствие или дознание (ст. 391 УПК РУ). В целях более полного, объективного и своевременного рассмотрения уголовного дела оно может быть передано из одного суда в другой по решению председателя вышестоящего суда. Передача дела по подсудности допускается лишь до начала его рассмотрения в судебном заседании. Если подсудность дела другому равнозначному суду выяснилась в судебном заседании, суд продолжает рассмотрение дела, когда это не влечет за собой ущерба для полного исследования обстоятельств дела, в противном случае суд направляет дело по подсудности, о чем выносит определение (ст. 393 УПК РУ).

В УПК Грузии от 9 октября 2009 г.²² предусмотрено право председателя вышестоящего суда по ходатайству сторон передать уголовное дело на рассмотрение другого суда по местонахождению большинства участвующих в нем потерпевших и свидетелей или иным причинам, связанным с меньшим размером процессуальных расходов (ч. 4 ст. 21).

По УПК Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI²³, если место совершения уголовного преступления неизвестно или оно совершено за пределами Украины, место проведения досудебного расследования определяет соответствующий прокурор с учетом места обнаружения признаков уголовного преступления, места пребывания подозреваемого или большинства свидетелей, места окончания уголовного правонарушения или наступления последствий и т. п. (ч. 3 ст. 218). Уголовное производство передается на рассмотрение другого суда, если до начала судебного разбирательства оказалось, что оно поступило в суд с нарушением правил подсудности. До начала судебного разбирательства в исключительных случаях уголовное производство с целью обеспечения оперативности и эффективности уголовного производства может быть передано также на рассмотрение другого суда по месту жительства обвиняемого, большинства потерпевших или свидетелей, а равно в случае невозможности осуществлять соответствующим судом правосудия (в частности, чрезвычайные ситуации техногенного или природного характера) (ч. 1 ст. 34).

Анализ уголовно-процессуального законодательства стран постсоветского пространства позволил выявить ряд схожих тенденций в развитии правового регулирования институтов территориальной подсудственности и подсудности. При этом следует отметить, что наблюдается тенденция совершенствования данных институтов в соответствии с международным правом, но с учетом национальной специфики, государственных и общественных интересов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в большинстве стран уголовно-процессуальные нормы, регулирующие порядок определения территориальной подсудственности и подсудности, сконструированы по принципу процессуальной экономии и направлены на рациональное использование процессуальных средств, необходимых и достаточных для правильной и эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

Динамические изменения общественной жизни, трансформация социальных, экономических, политических отношений приводят к необходимости вне-

²² URL: <https://online.zakon.kz/>

²³ URL: <https://online.zakon.kz/>

сения в действующее законодательство системных изменений. Причем такие изменения должны учитывать интересы общества, государства и складывающуюся правоприменительную практику. В связи с этим заслуживает внимания позитивный опыт бывших советских республик, заимствование которого с учетом российской действительности и российского правового поля позволит усовершенствовать отечественные институты подследственности и подсудности, при этом сохранить достигнутый уровень процессуальных гарантий на основе требований Конституции РФ.

По нашему мнению, в ст. 152 УПК РФ необходимо ввести норму о том, что «в целях обеспечения наибольшей быстроты, полноты и объективности предварительного следствия оно может производиться по месту обнаружения преступления или по месту наступления его последствий, а также по месту нахождения потерпевшего, обвиняемого или большинства свидетелей».

Дополнить ст. 32 УПК РФ положениями, согласно которым «если определить место совершения преступления невозможно, то дело подлежит рассмотрению в том суде, на территории деятельности которого закончено дознание или предварительное следствие по делу».

Часть 2 ст. 34 УПК РФ изложить в следующей редакции: «...если подсудность дела другому равнозначному суду выяснилась в судебном заседании, суд продолжает рассмотрение дела, когда это не влечет за собой ущерба для полного исследования обстоятельств дела, в противном случае суд направляет дело по подсудности, о чем выносит постановление (определение)».

Подпункт «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ изложить в следующей редакции: «С целью обеспечения оперативности и эффективности уголовного производства председатель вышестоящего суда по ходатайству сторон вправе передать уголовное дело на рассмотрение другого суда по местонахождению обвиняемого (обвиняемых), большинства участвующих в нем потерпевших и свидетелей или иным причинам, связанным с меньшим размером процессуальных расходов».

Указанные нами корректировки УПК РФ представляются сегодня настоятельно необходимыми для повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, равномерному распределению нагрузки между органами следствия и судами, обеспечения надлежащей и своевременной защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возмещению причиненного преступлением ущерба.

Введение в УПК данных норм не затронет гарантированного права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом²⁴, так как процессуальное решение, принимаемое по установленным ст. 152 УПК РФ правилам, в любом случае должно соответствовать требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ и может быть обжаловано руководителю следственного органа, прокурору или в суд (ст. 123–125 УПК РФ), обвиняемый и другие участники процесса имеют право заявлять ходатайства и отводы в по-

²⁴ Руководство по статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод : право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект) / Council of Europe/European Court of Human Rights, 2014. URL: www.echr.coe.int

рядке, предусмотренном главой 9 УПК РФ, в связи с выявлением обстоятельств, свидетельствующих о проявившихся в тех или иных его действиях и решениях по делу предвзятости и необъективности. Тем более, в настоящее время наблюдается тенденция в совершенствовании института отводов. Так, с целью предоставления права сторонам уголовного судопроизводства на обжалование определения суда или постановления судьи об отказе в удовлетворении заявленного отвода участнику уголовного судопроизводства²⁵ в июне 2021 г. в Государственную Думу РФ внесен законопроект «О внесении изменений в статьи 65 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части обжалования сторонами судебного разбирательства определения или постановления суда об отказе в удовлетворении заявленного отвода участника судебного разбирательства)», согласно которому определение или постановление об отказе в удовлетворении заявленного отвода участнику процесса, включая судью, подлежит апелляционному обжалованию в течение суток со дня вынесения этого решения. Такое обжалование не будет приостанавливать производство по делу²⁶.

²⁵ О внесении изменений в статьи 65 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : пояснительная записка к проекту федерального закона № 1193394-7 // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

²⁶ Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill>

Удмуртский государственный университет

Туров С. Ю., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

Udmurt State University

Turov S. Yu., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminal Process and Law Enforcement Department
E-mail: turovser1979@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматривается связь ценных бумаг с событием преступления. Обсуждается понятие вещественного доказательства. Затрагивается вопрос признания вещественным доказательством документа. Анализируется правоприменительная практика и практика Конституционного Суда РФ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: вещественные доказательства, ценные бумаги, предмет преступления, средство преступления, документ, имущественное право.

FEATURES OF RECOGNITION OF SECURITIES AS ESSENTIAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCESS

The connection of securities with a crime event is considered. Securities as a subject and means of crime. The concept of physical evidence is discussed. The issue of recognition of the document as material evidence is touched upon. The law enforcement practice and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation are analyzed.

К е у w o r d s: material evidence, securities, subject of crime, means of crime, document, property right.

Поступила в редакцию 25 января 2022 г.

Рынок ценных бумаг является базовой частью рыночной экономики, важным элементом хозяйственного механизма страны¹. В последние годы наблюдается стремительное развитие организованного рынка ценных бумаг, в эту сферу уже вовлечено более 17 млн наших сограждан². По итогам опроса, проведенного в ноябре 2021 г. компанией «Сбер управление активами» в 37 крупнейших российских городах, инвестиции в ценные бумаги заняли пятое место среди признаков качественной жизни, обогнав по важности личные автомобили и возможность путешествовать³.

Ведущими учеными неоднократно высказывалась мысль о неистребимости преступности⁴, что преступность является «неотъемлемой частью обще-

¹ См.: Михайленко М. Н. Рынок ценных бумаг : учеб. и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 17.

² Статистические данные к обзору ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг. 2021 г. III квартал // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/securities_market/statistic/ (дата обращения: 11.01.2022).

³ Россияне назвали инвестиции одним из топ-5 признаков качественной жизни // Сайт РБК. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/61b9dd099a79472402561ca4> (дата обращения: 11.01.2022).

⁴ См.: Зинатуллин З. З. Обзор основных суждений автора по проблемам современного российского уголовного процесса // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 5. С. 693.

© Хуснутдинов Р. М., 2022

ственной жизни, формой поведения людей»⁵ и в связи с этим необходимостью борьбы с этим социальным злом, совершенствуя и повышая «эффективность уголовно-процессуального доказывания для установления истины по уголовным делам»⁶.

Принимая во внимание бурное развитие общественных отношений по поводу ценных бумаг, неизбежно встает проблема борьбы с преступностью в этой сфере, в том числе использование самих ценных бумаг в качестве доказательств как средств «установления и доказывания обстоятельств совершенного деяния, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела»⁷.

А. Е. Сумин на основе анализа видов преступных посягательств на рынке ценных бумаг пришел к выводу о возможности «ценной бумаги выступать как предметом, так и средством преступления»⁸. Такое суждение представляется обоснованным, поскольку ценные бумаги выступают в качестве ценного, оборотоспособного имущества и, таким образом, могут быть предметом хищений и других корыстных преступлений. Ценная бумага удостоверяет также определенное имущественное право⁹, которое может быть использовано для совершения преступления.

Указанная связь ценных бумаг с событием преступления с учетом п. 1 и п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ ставит вопрос о возможности признания ценных бумаг вещественными доказательствами по уголовному делу, поскольку ценные бумаги как предмет преступления могут выступать в качестве имущества, полученного в результате совершения преступления (п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ), а как средство преступления могут выступать в качестве «иного средства совершения преступления» в смысле п. 1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

Дореволюционными, советскими и современными процессуалистами проведена теоретическая разработка понятия «вещественные доказательства», сформулированы различные мнения относительно особенностей вещественных доказательств. Одни авторы говорят о «признаках», другие выделяют «свойства, качества и признаки вещественных доказательств»¹⁰.

Несмотря на всё многообразие понятий и признаков вещественных доказательств, не вызывает сомнений, что под «вещественным доказательством» следует понимать вещь, физический предмет, объект материального мира, а не абстрактное понятие, идею, мысль, отношение между людьми и т. п.

Так, М. С. Строгович писал, что «вещественным доказательством называ-

⁵ Кудрявцев В. Н. Стратегия в борьбе с преступностью. М., 2008. С. 32.

⁶ Зинатуллин З. З., Зинатуллин Т. З. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в свете достижений современного научно-технического прогресса // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 3. С. 32–33.

⁷ Балакиш В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 94.

⁸ Сумин А. Е. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 8.

⁹ См.: Белов В. А. Ценные бумаги в коммерческом обороте : курс лекций : учеб. пособие для вузов. М., 2022. С. 25.

¹⁰ Кравченко М. Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 38–63.

ется любая вещь, которая в соответствии с установленным процессуальным законом условиями может служить доказательством по делу»¹¹.

Существует точка зрения, что «материальный объект – еще не доказательство. Материальные же объекты любого физического состояния (твердого, жидкого, газообразного и иного) могут служить источником информации, используемой в качестве доказательства по уголовному делу и одновременно критерием ее истинности»¹².

Высказывалось также мнение, что «вещественное доказательство само по себе не может использоваться в доказывании. Доказательства – это информация о времени и месте его обнаружения, зафиксированное в протоколах следственных действий, и нередко – данные, содержащиеся в заключениях экспертов. Субъектам доказывания необходимо предпринять весь комплекс мер, направленный на извлечение информации»¹³.

Однако, несмотря на такой «информационный» подход, когда фокус внимания исследователей смещается от материального предмета к извлекаемой из него доказательственной информации, неизменным остается главное – наличие самого материального предмета, имеющего связь с расследуемым деянием.

Одним из дискуссионных вопросов, имеющим значение в контексте данной статьи, является возможность признания вещественным доказательством бумажного документа. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что, по нашему мнению, бумажный документ может быть признан вещественным доказательством по уголовному делу при условии, что имеется непосредственная связь этого документа с событием преступления, и документ составлен вне расследования по уголовному делу.

В судебной и следственной практике ценные бумаги без особых затруднений признаются вещественными доказательствами по уголовному делу. Следователи при расследовании уголовных дел признают вещественными доказательствами векселя¹⁴, акции¹⁵ и другие ценные бумаги. Затем по ходатайству следователей суды налагают арест на признанные вещественными доказательствами ценные бумаги. Признанные вещественными доказательствами документарные ценные бумаги, как правило, изымаются и хранятся в уголовном деле, бездокументарные ценные бумаги оставляются на хранение по месту учета реестродержателю или депозитарию, которые предупреждаются об ограничениях, которым подвергнуты арестованные ценные бумаги, и ответственности за их сохранность.

¹¹ Строгович М. С. Избранные труды. М., 1991. Т. 3. С. 234.

¹² Комлев Б. О понятии вещественного доказательства // Законность. 1998. № 4. С. 41.

¹³ Попова Н. А. Вещественные доказательства : соби́рание, представление и использование их в доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 8.

¹⁴ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 24.04.2014 по делу № 11–3331/2014 ; Апелляционное постановление Московского городского суда от 11.04.2016 № 10–4878/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Постановление Президиума Краснодарского краевого суда от 08.02.2012 по делу № 44у–1157/11 ; Апелляционное постановление Московского городского суда от 29.04.2021 по делу № 10–7663/2021 ; постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 05.05.2017 по делу № 44У–35/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ правоприменительной практики показывает, что следователями и судьями при признании ценных бумаг вещественными доказательствами не учитывается форма ценных бумаг. Вещественными доказательствами признаются как документарные ценные бумаги, представляющие собой документы, соответствующие установленным законом требованиям (абз. 1 ч. 1 ст. 142 ГК РФ) (например, векселя), так и бездокументарные ценные бумаги, не имеющие вещественного воплощения и представляющие собой «обязательственные и иные права» (абз. 2 ч. 1 ст. 142 ГК РФ) (например, акции).

Как видно из п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, закрепляющего понятие «имущество», данный термин в уголовном судопроизводстве включает в себя и документарные ценные бумаги, и бездокументарные ценные бумаги. Причем п. 13.1 ст. 5 УПК РФ, следуя за гражданским законодательством (ст. 128 ГК РФ и др.), относит документарные ценные бумаги к вещам. Бездокументарные ценные бумаги в п. 13.1 ст. 5 УПК РФ не отнесены ни к вещам (что правильно), ни к имущественным правам (что неправильно). То есть уголовно-процессуальному законодательству не вполне свойственно корректное восприятие природы бездокументарной ценной бумаги, о чем свидетельствует содержание п. 13.1 ст. 5 УПК РФ.

С учетом изложенного документарные ценные бумаги, имеющие непосредственную связь с событием преступления, должны признаваться вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве.

О признании в качестве таковых бездокументарных ценных бумаг необходимо сказать, что в юридической литературе неоднократно отмечалось, что бездокументарные ценные бумаги не являются ценными бумагами в прямом смысле слова, а представляют собой лишь способ фиксации имущественных прав¹⁶.

Статья 128 ГК РФ относит к имущественным правам «безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права».

Цифровые права – новый вид имущества, который породил множество дискуссий¹⁷, и едва ли на его правовом регулировании стоит здесь останавливаться. Безналичные денежные средства давно известны юридической науке и практике, причем имеют признаваемое сходство с бездокументарными ценными бумагами¹⁸.

Бездокументарные ценные бумаги в материальном смысле существуют в виде учетных записей на лицевых счетах в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или в случае учета в депозитории учетных записей на счетах депо. Причем в отличие от документарных ценных бумаг, у которых закрепленные ценной бумагой права неразрывно связаны с самой ценной

¹⁶ См.: Суханов Е. А. Перспективы корпоративного законодательства и другие проблемы отечественного права // Закон. 2006. С. 4–5.

¹⁷ См.: Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав : проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 111–119 ; Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова [и др.] // Закон. 2019. № 5. С. 31–54 ; Арнаутков Д. Р., Ерохина М. Г. Цифровые активы в системе российского права // Российский юрид. журнал. 2019. № 4. С. 148–157.

¹⁸ См.: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2009.

бумагой, у бездокументарных ценных бумаг изъятие документов реестра или депозитария не влечет изъятия самих бездокументарных ценных бумаг. Существующий порядок предусматривает регулярное резервное копирование и хранение учетных записей, с тем чтобы изъятие учетных записей не нарушало их обработки и хранения, а также их резервного копирования (п. 4.1 и п. 4.5 Положения Банка России от 27.12.2016 № 572-П «О требованиях к осуществлению деятельности по ведению реестра владельцев ценных бумаг»¹⁹).

Аналогичным образом безналичные денежные средства существуют в материальном смысле в виде записей на текущих, расчетных и тому подобных счетах, открытых в банках и иных кредитных организациях. Следует заметить, что судебная и следственная практика не знают признания в качестве вещественных доказательств безналичных денежных средств.

Интерес представляет постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П «По делу о проверке частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества “Глория”»²⁰, в котором обсуждаются возможности изъятия и передачи на хранение безналичных денежных средств, которые были похищены с расчетного счета лица, признанного потерпевшим по данному уголовному делу, и находятся на счетах в других кредитных организациях.

По мнению заявителя, оспариваемые им ч. 6 и 7 ст. 115 УПК РФ, предусматривая возможность изъятия и передачи на хранение арестованного в рамках уголовного дела имущества в виде денежных средств их собственнику или другому лицу лишь в отношении наличных денежных средств и не допуская такой возможности применительно к безналичным денежным средствам, ставят потерпевших от преступлений в неравное положение.

В постановлении от 10 ноября 2014 г. № 31-П Конституционный Суд РФ указывает, что в уголовном судопроизводстве изъятие имущества и передача его на хранение собственнику либо иному лицу могут быть осуществлены только в отношении материальных объектов гражданских прав, в том числе наличных денег; что касается безналичных денежных средств, то в случае их ареста кредитная организация, открывшая счет, на котором они находятся, обязана прекратить по данному счету (полностью или частично) любые банковские операции.

Такой подход исключает изъятие и передачу на хранение собственнику либо иному лицу в порядке ч. 6 ст. 115 УПК РФ нематериальных объектов гражданских прав – не только безналичных денег, но и бездокументарных ценных бумаг. В случае ареста бездокументарных ценных бумаг реестродержатель или депозитарий, ведущие счет, на котором они находятся, обязаны прекратить по данному счету соответствующие операции.

По нашему мнению, подход, изложенный в постановлении Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2014 г. № 31-П, исключает признание вещественными доказательствами нематериальных предметов, включая бездокументарные

¹⁹ Вестник Банка России. 2017. № 25.

²⁰ Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

ценные бумаги. Данный вопрос не был предметом рассмотрения указанного постановления. Однако суд констатировал различия в природе вещей и нематериальных объектов, которые определяют различия в правовом регулировании отношений по поводу этих объектов права, в том числе в уголовно-процессуальном законодательстве.

Необходимо отметить, что ч. 7 ст. 115 УПК РФ, рассчитанная на применение при наложении ареста на безналичные денежные средства, в действующей системе правового регулирования не применима к бездокументарным ценным бумагам, поскольку они учитываются на счетах, открытых у реестродержателя или в депозитарии, деятельность которых не является деятельностью кредитной организации (банковской деятельностью).

Это ставит вопрос о соответствующем дополнении редакции ч. 7 ст. 115 УПК РФ или введении в институт ареста имущества в уголовном судопроизводстве аналогичной нормы, относящейся к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и применимой к бездокументарным ценным бумагам. До внесения изменений в УПК РФ представляется возможным налагать арест на бездокументарные ценные бумаги в порядке действующей редакции ст. 115, 115.1 и 116 УПК РФ, без их изъятия и передачи на хранение собственнику либо иному лицу.

Таким образом, документарные ценные бумаги, имеющие непосредственную связь с событием преступления, должны признаваться вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве. Бездокументарные ценные бумаги не могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу, а также, будучи арестованными, не могут быть изъяты и переданы на хранение собственнику или владельцу этих ценных бумаг либо иному лицу, даже если данные ценные бумаги имели связь с событием преступления.

Удмуртский государственный университет

Хуснутдинов Р. М., аспирант

Udmurt State University

Khusnutdinov R. M., Post-graduate Student

E-mail: rashid@list.ru

Эль Греко. «Погребение графа Оргаса» (1588)

ТОЛЕДСКИЙ СУТЯГА ИЛИ ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ... ДЕНЕГ

Живопись Доминикос Теотокопулос, таково настоящее имя Эль Греко (1541–1614), занимает особое место в истории европейского искусства. Родившийся на Крите, он стал самым «испанским художником во времена Сервантеса». Помимо общепризнанной гениальности, Эль Греко был, однако, одним из главных сутяг в истории живописи, особенно когда наступал момент оплаты его работ. Толедские архивы хранят с десяток описаний тяжб с участием Мастера. Дело в том что в XVI в. в Испании существовала особая система оценки произведений искусства на религиозную тему: заказчик и художник каждый назначали свою цену за работу. Если стороны никак не могли договориться, то окончательное решение о стоимости выносил третейский суд. На вынесенные решения уходило больше времени и затрат, чем предполагалось, поэтому художнику приходилось вкладывать все силы в проект, не имея представления, сколько ему заплатят. Но Эль Греко это вовсе не смущало, он непримиримо и упорно судился и именно благодаря его тяжбам, получившим огромную огласку, пробуждается творческое самосознание художников — с этого момента живопись с положения ремесла переходит в разряд свободного искусства.

Так произошло и с главной картиной Эль Греко «Погребение графа Оргаса», которая стала поводом к новому судебному разбирательству. Примечательно, что картина появилась на свет в результате другого судебного решения.

История начинается с 1312 г., когда умер уроженец Толедо, сеньор города Оргас дон Гонсало Руис (позже его семья получит графский титул, под которым дон Руис стал известен посмертно). Согласно легенде, во время церемонии погребения дон Гонсало Руиса с небес сошли святой Стефан и блаженный Августин, чтобы похоронить его собственноручно со словами: «Такой почести удостоивается тот, кто служит Богу и его Святым».

Однако до этого «граф», благочестивый христианин, известный своей благотворительной деятельностью, распорядился о специальном налоге с горожан для расширения и украшения церкви Сан-Томе. Со временем обязанность платить подать забылась, и приходской священник церкви возбудил судебный процесс, который выиграл. В знак признательности он

решил заказать Эль Греко алтарный образ благочестивой сцены погребения. Подписанный договор устанавливал конкретные иконографические требования по созданию картины, где обязательно должно быть много очевидцев чуда.

Результатом стало исключительно большое полотно: все детали художник отразил точно по договору. Картина была четко поделена на две композиционно единые части: земная (процесс погребения со святыми) и небесная (слава небесная). Строгий ритм нижнего «этажа» противопоставлен барочной «верхушке». Положение во гроб графа Оргаса, верного слуги церкви, происходит на фоне толпы скорбящих друзей, изображенных портретно. Друзья покойного — это в большинстве своем гордые, полные собственного достоинства испанские идалго, провожающие душу усопшего. На разных небесных уровнях душу графа встречают Иоанн Креститель, Дева Мария, ангелы и херувимы. В центре восседает Христос. Летящий ангел нарочно высветлен белым цветом — именно он вознесит душу графа к небесам.

По окончании работы обе стороны (художник и церковь) назначили своих оценщиков и пришли к договоренности о стоимости в 1200 дукатов. Однако настоятель счел эту сумму завышенной и настоял на переоценке. Каково же было удивление священника, когда новые эксперты нашли цену слишком ничтожной и в связи с высокими достоинствами полотна оценили его в 1600 дукатов. Естественно, церковь не приняла новую оценку и пыталась вернуться к первоначальной сумме. Однако Эль Греко не отступал, полагая справедливым требовать большой гонорар. Не желая идти на уступки, он обращается во всевозможные судебные инстанции, доводит спор до святейшего престола и обращается непосредственно к папе.

Разбирательство затягивалось, кредиторы и поставщики осаждали художника, ухудшилось его материальное благосостояние. Эль Греко вынужден был согласиться на первоначальную сумму, но заметил о своем шедевре: «Хотя оплата уступает стоимости моей возвышенной работы, мое имя будут вспоминать потомки как одного из величайших гениев испанской живописи». Добавить нечего — так и вышло!

Д. Зотов